

Глава 2

ПЕРВЫЕ ДОСТОВЕРНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КОМИ В РУССКОЙ НАУКЕ. XVIII в.

Становление профессионального научного подхода к изучению народов коми связано с именем голландского государственного деятеля, ученого, друга Петра Великого **Николааса Витсена** (Nicolaas Cornelisz Witsen, 1641–1717).

Н. Витсен происходил из знатного амстердамского купеческого рода, представители которого славно потрудились на благо родного города и Отчизны. Его отец был образованным человеком, юристом, одно время возглавлял голландскую Ост-Индскую компанию. В 1656 г. Н. Витсен сопровождал отца в Англию, где познакомился со многими государственными деятелями. Позднее он изучал математику, астрономию и философию в прославленной школе Атеней в Амстердаме, занимался поэзией, а также совершенствовал свои знания в гравировании, которое использовал в своих научных исследованиях и кораблестроении¹. Затем продолжил образование

в Лейденском университете, где в 1664 г. получил степень доктора права. Образование полагалось завершить путешествием, и Н. Витсен был прикомандирован к свите голландского посольства Якоба Борейля, с которым в 1664–1665 гг. совершил поездку в Московию и пробыл в Москве около года.

Эта поездка в Москву не была чем-то чрезвычайным. В XVI–XVII вв. голландцы поддерживали достаточно тесные торговые отношения с Московским государством. Поэтому посольства Нидерландской Республики с известной регулярностью посещали Москву. Кроме того, представителей голландских торговых компаний интересовали сведения о Московии, ее природных ресурсах и богатствах, в первую очередь находящихся в Сибири, недоступной европейцам. Купцы голландской Ост-Индской компании к этому времени поняли, что добираться до Азии морским путем чрезвычайно опасно и долго, попытки найти более короткий путь через Северный Ледовитый океан ни к чему не привели. Москва же контролировала любые попытки попасть в Сибирь и далее Китай. В публикациях и картах Н. Витсена путешествия по Сибири и Центральной Азии становятся одной из главных тем. А чтобы получать информацию с обширной территории, он создает широкую сеть корреспондентов в Западной Европе, России и Азии.

тария. Т. III. Научные материалы. Амстердам, 2010. С. 35–137.

¹ Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 517–521; Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 426–438; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 88–95; Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968. С. 10–32; Максимова Р.И., Трисман В.Г. Предисловие // Николаас Витсен. Путешествие в Московию. 1664–1665: дневник / пер. с староголланд. В.Г. Трисман. СПб., 1996. С. 6; Keuning J. Nicolaas Witsen as a cartographer // Imago Mundi. 1954. Bd. 11. S. 95–110; Наарден Б. Николаас Витсен и Тартария // Николаас Витсен. Северная и Восточная Тар-

Результатом его пребывания в России стало составление дневника, в котором нарисована яркая, живая, хотя и не всегда беспристрастная картина России того времени, увиденная глазами иностранца. Автора дневника отличают острая наблюдательность, свежесть ума, юмор, юношеская непосредственность и откровенность. Дневник был богато иллюстрирован автором¹. Как оказалось, эта поездка была лишь предвестником возникновения большого научного интереса Н. Витсена к Московскому государству. До самой кончины он собирал научные материалы об этой загадочной для европейцев стране. Позднее этому также способствовало знакомство с Петром I в 1697–1698 гг., когда Правительство Нидерландов поручило Н. Витсену принять и сопровождать Петра I в Голландии, в его поездках в Гаагу и Утрехт. Вместе с ним участвовал в публичных приемах послов, в празднованиях, давал советы при отборе людей на службу в Россию. Поскольку царь хотел брать уроки мореплавания и навигации, учиться проектированию кораблей, искусству гравирования, то Н. Витсен рекомендовал ему преподавателей. От имени города Н. Витсен подарил царю полностью оснащенный корабль, который Петр назвал «Амстердам». В ответ Н. Витсен на долгое время становится доверенным лицом русского царя. Он получает доступ ко многим закрытым материалам. Все это легло в основу его обширного научного сочинения о России — книги «Северная и Восточная Тартария...», снабженной подробной картой региона. Это произведение, которое можно назвать грандиозной научной компиляцией на тему России, было напечатано в 1692 г.² В.Г. Мирзоев назвал

это произведение «образцовым сочинением исследователя издалека»³. В предисловии ко второму изданию книги Н. Витсен написал, что посвятил 25 лет своей жизни подготовке первого издания и еще десять лет ушло на переработку для второй публикации. До настоящего времени его сочинение считалось просто книгой. Но голландский исследователь творчества Н. Витсена Б. Наарден считает, что на самом деле она прилагалась в качестве обширного комментария к его одноименной карте⁴. Третье издание вышло через много лет после его смерти, в 1785 г., в двух томах, с картой Сибири и было дополнено 100 иллюстрациями, которых не было в первых изданиях. Этот труд основан, с одной стороны, на обширной литературе, а с другой — на многочисленных сообщениях, которые поступали в Амстердам от самых различных лиц. Как пишет сам Н. Витсен, «почти 28 лет назад я ездил в Россию, и так как я находился там только ради своего любопытства, то вошел в сношения не только с русскими, но и с татарами всех родов. Там я впервые получил сведения о Московии и отдаленных стран. И с тех пор я не прекращал добывать сведения разными способами и нашел путь пересылки и получения писем из самых северных и северо-восточных частей света из самой Тартарии, а также Московии, Астрахани, Сибири, Персии, Грузии, и т.д. Я собрал томы журналов и реестров, в которых были названия гор, рек, городов, а также большое число рисунков, которые были сделаны по моему указанию, в них изображены те земли, о которых я упоминал. Именно на основе этого фонда, который я собираю много лет, сравнивая и проверяя все материалы и продолжая беспрерывно их собирать, составлена карта Тартарии»⁵. Русские корреспонденты предоставляли ему не только информацию, основан-

¹ Более подробно о рисунках Н. Витсена и их истолковании как историко-культурного источника см.: *Киртичников А.Н.* Россия XVII в. в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб., 1996.

² *Witsen N.* Noord en Oost Tartarie, beheezende eene Beschryving van verscheldene Gewesten, in de Noorder en Oestelykste Deelen van Asien en Europa, zedert naauw keurig onderzoek van veele Jaaren, en eigen onderwin dig outworhen, beschreven, geteekent, en int licht gegeven, door Mr Nicolaas Witsen, Burgemeester te Amsterdam, etc. etc. Amsterdam, 1692. (Второе издание в 1705 г.);

Русское издание: *Николаас Витсен.* Северная и Восточная Тартария. Амстердам. 2010. Т. I–III.

³ *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963. С. 10.

⁴ *Наарден Б.* Предисловие // Николаас Витсен. Северная и Восточная... Т. 1. С. 8.

⁵ *Witsen N.* Noord en Oost Tartarie... Предисловие к читателям. Цит. по: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири... Вып. 1. С. 93–94.

ную на личных впечатлениях, но и копии ряда документов. Из его переписки с *Г.В. Лейбницем* можно узнать, что в качестве его корреспондента выступал и Петр Великий¹. Таким образом, книга Н. Витсена представляет собой колоссальное собрание географических, этнографических и лингвистических данных об огромной территории, постиравшейся от Волги до Тихого океана и от Каспийского моря до Ледовитого океана. Н.П. Копанева называет этот труд хрестоматией, в которой собраны сведения об этой территории от античных авторов до западноевропейских и русских современников Н. Витсена². Но у этого компендиума был один недостаток — собранный гигантский материал был расположен достаточно хаотично и затруднял пользование им.

Одним из первых в России к труду Н. Витсена обратился *Г.Ф. Миллер*, который опубликовал сводку сведений о самоедах (ненцах). Столкнувшись с проблемой поиска материалов по конкретным народам, позднее он предпринял попытку составить указатель к первому и второму изданию этого сочинения³. А.П. и Н.П. Копаневы сегодня аргументированно доказывают, что эти материалы, опубликованные Г.Ф. Миллером, не являются работой этого ученого. На самом деле это переводы Ж.-Н. Делиля и Х.Н. фон Винсгейма, сотрудников Петербургской академии наук⁴. После возвращения из сибирской экспедиции Г.Ф. Миллер неоднократно обращался к этим переводам.

¹ О русских адресатах Н. Витсена см.: *Зиннер Э.П.* Сибирь в записках... С. 12–13; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению... С. 58–62; *Копанева Н.П.* Земли Приобья в описаниях XVIII в.: Николаас Витсен // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница: материалы междунар. симп. Екатеринбург, 2006. Ч. 1: Академические исследования северо-западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие. С. 258–268.

² *Копанева Н.П.* Земли Приобья... С. 258–268.

³ *Sammlungen Rusichen Geschichte.* SPb., 1733. Bd. 1. Th. 3. S. 222–272.

⁴ *Копанева А.Н., Копанева Н.П.* Северная и Восточная Тартария Н. Витсена в России XVIII в. // Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария. Амстердам, 2010. Т. III. С. 154–158.

Один из русских исследователей творчества Н. Витсена И.И. Тыжнов отмечал, что «некоторая бессистемность произошла, может быть, вследствие расположения материала по мере того, как он его получал»⁵.

Составив на основе полученных русских сведений карту Тартарии (Сибири), Н. Витсен первым в Западной Европе дал достаточно достоверное изображение огромного Российского государства на рубеже XVII–XVIII вв.⁶ Эта книга удостоилась похвалы ученых современников, сравнивавших этот труд с «открытием Нового Света Колумбом». Значение книги Н. Витсена — в том, что она познакомила европейский ученый мир с новой историко-лингвистической информацией и дала толчок к изучению Евразии. Это сочинение обогатило западноевропейскую историографию о России новыми правдивыми сведениями, но в то же время утвердила в ней те ошибки, которые были допущены Н. Витсеном⁷. К большому сожалению, это ценнейшее сочинение о России XVII в. не было переведено не только на русский, но и на другие европейские языки.

Этому мешало несколько обстоятельств. Во-первых, язык, на котором была издана книга — нидерландский (староголландский)⁸. Во-вторых, как пишет Б. Наарден, Н. Витсен опасался, что из-за большого количества све-

⁵ *Тыжнов И.И.* Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVII века // Сибирский сб. (Приложение к «Восточному Обозрению» 1887 г.) СПб., 1887. С. 134–135.

⁶ *Катанов Н.Ф.* Голландский путешественник Николай Витсен и труд его о России и Сибири // Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те за 1900 г. / Изв. ОАИЭ. 1901. Т. 17. Вып. 4. С. 248–249; *Водарский Я.Е.* Книга Н. Витсена «Северная и восточная Тартария» как источник по исторической географии России конца XVII в. // Проблемы исторической географии и демографии в России. М., 2007. Вып. 1. С. 221–244.

⁷ Обзор ошибок Н. Витсена и вероятность их происхождения см.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению... Вып. I. С. 89–91.

⁸ *Копанева Н.П.* О принципах публикации русского перевода Северной и Восточной Тартарии // Николаас Витсен. Северная и Восточная Тартария. Амстердам, 2010. Т. III. С. 25–33.

дений о неизвестных землях, путях сообщения и т.д. книгу могут засекретить как российская власть, так и руководство Ост-Индской компании. Поэтому он препятствовал распространению первых двух изданий своего сочинения. И лишь третье издание 1785 г., самое полное по своему составу, выкупленное у наследников Н. Витсена, начало распространяться книготорговцем. Но к этому времени сочинение стало историко-информационным фактом, ибо многие сведения, известные только Н. Витсену, или подтвердились, или были отвергнуты в трудах российских ученых в ходе их путешествий по Северу и Сибири.

Несмотря на то что Н. Витсен специально не занимался сравнением языков, собранные им фактические лингвистические материалы — небольшие словари, отдельные слова — способствовали обогащению сведений о финно-угорских языках и народах, в том числе о коми¹. Н. Витсен, по-видимому, первым отделил зырян от пермяков. Например, он говорит о Перми Великой, *Groot Permia*, и пермяках, *Permakken*, с одной стороны, и о зырянах, *Zirianen*, и Зырянской стране, *Zireners Land*, — с другой. На своей карте он попытался определить места их расселения: вокруг Перми Великой и соответственно с севера от пермяков располагаются зыряне, с юга — башкиры, на западе — Вятская земля, а на востоке — земля вогуличей, *Landshap vogulits*. В его книге впервые появляется относительно точная географическая привязка Коми края — области зырян (*Zirianen*, или *Sireners*), которая располагается на 64° северной широты². В настоящее время территория расселения коми-зырян тянется с севера на юг с 62° по 64° северной широты. Эта область расположена «недалеко от Вычегды, рядом с Сибирью», и иначе ее называют «Волость Ужга (*Wollost Usgy*)». По мнению Н. Витсена, зыряне в давние времена попали сюда из Карелии (*Corelen Land*), из Финляндии или Лифляндии в результате

войны или других обстоятельств, о чем однако не существует сведений и преданий. Он отмечает у зырян особый язык, который не имеет ничего общего с русским: «Язык народа зырян, области, расположенной на 64°, отличается от московитского языка»³. По его мнению, он похож на лифляндский, а также несколько на пермский и остяцкий языки. Кроме того, Н. Витсен упоминает о деревянных идолах, которым поклоняются зыряне, как и вогуличи, остяки. Рассказывает он и о пермяках, которые проживают в Великой Перми и населяют многолюдные деревни, богатые хлебом, скотом и рыбой; описывает охоту, рыболовство, торговлю с зауральскими народами. Голландский ученый знал, что у пермян в прошлом был древний алфавит и собственная письменность, от которой сохранилась лишь «церковная письменность». Слышал он и о Стефане Пермском, которого пермяне «убили стрелами и содрали с живого кожу»⁴. А.И. Копанева предполагает, что эта информация о зырянах и пермяках была получена Н. Витсеном от Фредерика Крижанича⁵.

Фредерик (Юрий, в монашестве Августин) Крижанич (1618–1683), хорватский религиозный деятель, богослов, историк и филолог, писатель, публицист, прожил трудную жизнь. Одни называли его предателем и шпионом, другие — энциклопедически образованным ученым. Он учился в Загребе, Вене, Болонье, в коллегии Св. Афанасия (Св. Анастасия) в Ватикане. В 1642–1646 гг. занимался миссионерской деятельностью в западнославянских землях в пользу католической церкви. В это же время увлекся идеей славянского единства. Пропагандируя идею панславизма, он предлагал объединить всех славян под властью русского царя, но духовной эгидой Папы Римского. Будучи истинным и убежденным католиком, он вошел в исто-

³ Ibid. P. 776.

⁴ Ibid. P. 687, 776, 800, 811, 816.833. 856.

⁵ Копанева А.И. Сведения о финно-угорских народах в «Северной и восточной Тартарии» Николааса Витсена // Памяти академика А.И. Шегрена. СПб., 2007. С. 76.

¹ Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. С. 200–201.

² Witsen N. Noord en Oost Tartarie... P. 627–628.

риографию как певец славянского единства¹. Для выполнения этой миссии — сплочения славян «на основе просвещения и литературного сближения» при дворе Алексея Михайловича — Ю. Крижанич в 1659 г. через Польшу и Украину отправляется в Москву. Там он начинает создавать грамматику русского и «всеславянского» языков, а также писать «всеславянскую историю». Несмотря на все это, он был принят достаточно холодно, ибо в нем видели «папского соглядатая» и в конце концов сослали в Тобольск, где он находился в 1661–1676 гг. После смерти Алексея Михайловича Крижанич вернулся в Москву, а затем выехал в Польшу. Там он принял монашество и стал иезуитом. Погиб в знаменитой битве Яна Собеского с турками под Веней. Ю. Крижанич, будучи автором большого сочинения «*Relatio de Sibiria*», владел определенными сведениями об этнографии и лингвистике Московского государства.

Не отрицая этого, я позволю не соглашаться с А.И. Копаневой. До этого только один человек писал о родстве коми-зырянского и т.н. «лифляндского» языка — это *Эверт Избрант (Исбрант) Идес*. Они были знакомы, переписывались, и Н. Витсен использовал его данные о путешествии в Сибирь в своем компендиуме издания 1705 г.² Кроме того, Н. Витсен опубликовал в Голландии его книгу с посвящением Петру Великому с 29 гравюрами. Некоторые из них позднее он использовал в своем сочинении³. Именно Э.И. Идес впер-

вые выдвинул подобную гипотезу, описав зырян как народ, «говорящий на языке, который не имеет ничего общего с московским, а скорее близок к немецкому языку населения Лифляндии; кое-кто из моих спутников, знавших этот язык, понимал многое из местного наречия»⁴. Насколько это соответствует действительности, судить трудно. Возможно, здесь идет речь об эстонцах или ливах, которые действительно проживали на территории, которая была известна как Лифляндия (Ливония в русской транскрипции) и выходцы из которой уже населяли Русь. Вообще, живописание зырян Н. Витсена напоминает описание Э.И. Идеса во многих деталях, включая редкое упоминание волости Ужга, о которой впервые говорит Э.И. Идес и которую не знают более поздние писатели и исследователи.

В книге Н. Витсена приведен анонимный перевод молитвы «Отче наш» на коми языке на основе кириллицы. Несмотря на то что он сильно искажен, тем не менее это один из ранних образцов вновь возникающих текстов на коми языке после долгого периода забвения стефановских переводов⁵. Он же говорит о родстве языка «пермяцкого народа» с языком хантов и манси. По версии ученого, эти народы когда-то составляли единый «пермяцкий» народ, но в ходе крещения некоторая его часть бежала на Обь, где стала называться хантами и манси и продолжала сохранять язычество; их язык — «ломаный пермский». Сегодня сложно найти источник, на основе которого построены его рассуждения, ибо это родство достаточно дальнее, и уже в витсеновские времена они не понимали друг друга, хотя и проживали рядом. Говоря о значении исследований Н. Витсена для сравнительно-исторического языкознания, надо отметить, что, по-видимому, он был первым, кто обратился к сравнению одинаковых текстов на

¹ Бессонов П.А. Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православный благовестник. 1870. № 1, 2, 4, 5, 11, 12; Етифанов П.П. Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич // Вопр. истории. 1953. № 10. С. 18–36; Пушкирев Л.И. Об оценке деятельности Юрия Крижанича // Вопр. истории. 1957. № 1. С. 77–86; Гольдберг А.Л. Идея славянского единства в сочинениях Юрия Крижанича // ТОДРЛ. Л., 1963. Т. 19. С. 373–390; Пушкирев Л.И. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.

² Об этом см.: Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России. М., 1902. Вып. 1. С. 131, 140, 143, 177, Приложение. С. 19–27.

³ Наарден Б. Николаас Витсен и Тартария... С. 120–121.

⁴ Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве... С. 56. и далее.

⁵ Witsen N. Noorden en Oost Tartarye... Bd. 2. Amsterdam, 1692. S. 811. Текст молитвы приведен З.И. Кузнецовой в: Кузнецова З.И. Обзор памятников коми письменности XVIII в. // ИФС. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 228.

разных языках. Для этого он использовал переводы на языки различных народов, обитающих в России, молитвы «Отче наш». В настоящее время можно утверждать, что он воспользовался предложением **Г.В. Лейбница** о получении подобного материала через Петра I, использовал его в своей книге, в то время как немецкий ученый привел эти сведения только в ходе общетеоретических разысканий¹. Позднее, в XVIII в., этот прием широко применялся в российской лингвистике.

В начале XVIII в. почти одновременно в научных кругах России, Германии и Швеции возникает «идея о финно-угорском родстве», которая постепенно становится предметом серьезного исследования². У истоков этой многообещающей гипотезы стоял **Готфрид Вильгельм Лейбниц** (1646–1716), крупнейший немецкий ученый, математик, философ, лингвист, историк, который впервые обосновал генеральную идею классификации языков на основе их генетического родства³. Он резко выступил против распространенной в то время теории моногенетического происхождения всех языков из древнееврейского, первым осознав необходимость выяснения родственных отношений между языками на основе серьезных этимологических разысканий. Отсюда и появляется высказанная им идея о связи истории языка с историей народа: «*Племенные различия народов ничем лучше не могут*

быть определены, как посредством языка, их сходств и родства»⁴. Впервые в целом виде эта теория была опубликована в книге «Новые опыты о человеческом разуме» в 1704 г. В ней он, в частности, пишет: «*Так как языки вообще являются самыми древними памятниками народов, возникшими до письменности и искусств, то они лучше всего свидетельствуют об их происхождении, родстве и переселении. Вот почему правильно понятые этимологии были бы крайне интересны и важны, надо только сопоставлять языки нескольких народов и не делать слишком больших скачков от одного народа к другому, очень отдаленному, не имея для этого надлежащих оснований*»⁵. Он ратовал за то, чтобы записать все языки мира, составить словари и грамматики, что позволит произвести их сравнение.

Г.В. Лейбниц знал, что для решения вопроса о родстве языков и происхождении народов необходимо исследовать громадное степное пространство от Карпат до границ Китая. Не имея возможности самому пройти этот путь, он через своих корреспондентов старался получить как можно больше филологического и этнографического материала. Чтобы удовлетворить свою любознательность, он заводит переписку со всеми лингвистами, которые владеют языками и народами Восточной Европы и Азии, особенно с теми, которые или побывали, или имели контакты в Польше и России. Именно с этой целью он внимательно расспрашивал путешественников и дипломатов, искал контакты со шведскими, голландскими и польскими учеными, ратовал за создание научного центра в России.

В своей переписке Г.В. Лейбниц начинает часто упоминать о России в 1690-е гг.⁶ В это время, как видно из его писем Н. Витсену и Ю.Г. Спарвенфельду, «русский вопрос» начинает все больше привлекать его⁷.

¹ *Герье В.И.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому. По неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке // *Герье В.И. Лейбниц и его время.* СПб., 1871. Т. 2. С. 41–42.

² *Терюков А.И.* Швеция и становление современного финно-угроведения в конце XVII — начале XVIII в. // *Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий.* СПб., 2008. С. 5–18.

³ О деятельности Г.В. Лейбница как финно-угроведа см.: *Герье Вл.* Лейбниц и его время. СПб., 1868–1871. Т. 1–2; *Томсен В.* История языкознания до конца XIX века. (Краткий обзор основных моментов.) М., 1938. С. 44–45; *Погребысский И.Б.* Готфрид Вильгельм Лейбниц. 1646–1711. М., 1971; *Schulenburg S., von.* Leibniz als Sprachforscher. Frankfurt-am-Main, 1973; *Stipa G.J.* Finnish-ugriche Sprachforschung. Von Renaissance bis zum Neopositivismus // *MSFOu.* 1990. Vol. 206. S. 159–164; *Gulya Janos.* Das 18 Jahrhundert und Sibirien // *UAJ. NF. Bd. 11. S. 193–195.*

⁴ *Герье В.И.* Отношения Лейбница к России... С. 12.

⁵ *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л., 1936. С. 240–249.

⁶ *Герье В.И.* Отношения Лейбница к России... С. 6.

⁷ *Пекарский П.П.* Переписка Лейбница о славянских наречиях и древностях // *Записки ИАН.*

Осознавая, что составление словарей и грамматик требует непомерного труда и значительного числа подготовленных людей, он предлагал сделать подстрочные переводы на разных языках одинакового текста и составить списки самых употребительных слов. В 1692 г. Г.В. Лейбниц в обращении к польскому иезуиту и лингвисту Кохановскому о присылке ему сведений о языках «внутренней Скифии» впервые ставит вопрос о переводах молитвы «Отче наш» на разные языки. В 1698 г. Г.В. Лейбниц предпринимает попытку встретиться с «Великим посольством», в составе которого находился Петр I. В письме к графу Палмери, сопровождавшему ганноверского курфюрста, который должен был передать вопросы Ф. Лефарту, он пишет: «Я желал бы узнать различные подробности <...> насчет этнографического различия подвластных ему народов. <...> Что же касается до различия народов, то я очень желал бы получить образчики тех наречий в России, которые совсем различаются с русским языком, например наречий черкесских, сибирских, языка черемисов, калмыков и т.п. Может быть, через это мы бы узнали, из какой части Сибири вышли гунны и венгры»¹.

В письме Ф. Лефарту Г.В. Лейбниц вновь поднимает наболевший вопрос: «Я прошу образчиков всех языков, которые употребляются народами, подвластными царю. Я разумею языки, которые совершенно не сходные с русским, а для этих образчиков, по моему мнению, было бы лучше всего перевести “Отче наш” и составить список самых обыкновенных слов на каждый из этих языков»². В ходе переписки с Францем и Петром Лефортами выясняется, что в Московии существует 27 языков, «до такой степени различных, что ни один из них не понятен жителям даже соседних областей». И, как отвечали его корреспонденты, вопрос в том, что переводы невозможны в связи с незнанием языков народов России.

¹ Герье В.И. Отношения Лейбница к России... С. 11–12.

² Там же. С. 13.

Видя, что дело не движется, он обращается к посредничеству **Н. Витсена**, чтобы получить через Петра I подобные материалы на языках народов России. На некоторое время Н. Витсен становится посредником между ним и московским царем³. А книга Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» становится основным источником для его лингвистических разысканий. Именно через Н. Витсена немецкий ученый начал получать материалы из Москвы. Как пишет В.И. Герье, вопросом сбора подобного материала и переводами молитвы ведал глава Сибирского приказа А. Витниус, который распорядился об их подготовке на местах⁴.

Другим его консультантом по славянским и финно-угорским языкам стал Ю.Г. Спарвенфельд⁵. **Юхан Габриель Спарвенфельд** (Sparfvenfelt, Sparwenfeld J.G., 1655–1727) — шведский дипломат, филолог, историк, один из крупных шведских государственных деятелей кануна Северной войны. Происходил из дворянской среды, окончил Упсальский университет. В 1677–1682 гг. совершил путешествие по Европе. В 1684 г. в составе шведского посольства прибыл в Москву, где оставался в течение трех лет в качестве королевского стипендиата. Выучил русский язык, собирал материалы по русской истории, географии, книги и рукописи. Вывез из Москвы значительное количество лингвистических материалов, которые легли в основу большого латинско-славянского словаря — *Lexicon Slavonicum*. При его жизни словарь остался неопубликованным и был издан Уллой Биргегорд в наше время⁶.

³ Сборник писем и материалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому СПб., 1873. С. VII; Пекарский П.П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 25–32.

⁴ Герье В.И. Отношения Лейбница к России... С. 31.

⁵ *Wessel Katri, von. Leibniz und das Finnisch-Ugrische in seinen Brifwechsel (Teil I) // UAJ. NF. Bd. 18. 2003–2004. S. 67–102.*

⁶ *Биргегорд Улла. Первый шведский славист // Баренц-журнал. 2009. № 1. С. 18–24. О словаре см.: Алексеев А.А., Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв.: старшая разновидность. Л., 1989; Birgegard U. Johan*

Его интерес к русскому языку не был случайным. С середины XVI до начала XVIII в. Московское государство и Шведское королевство вели бесконечные войны за гегемонию на Балтике, которые завершались обменами посольствами и заключением мирных договоров. Обе стороны стремились к получению сведений друг о друге, пытались создавать словари и разговорники¹. В 1689 г. по распоряжению короля Юхана III он отправляется в новое путешествие по Европе в поисках «старинных свео-готских памятников», которое продолжалось пять лет и в ходе которого он посетил Париж, Ватикан, Испанию, Алжир, Тунис, Египет. Позднее состоял на службе на различных придворных должностях. Был знаком с Г.В. Лейбницем и переписывался с ним с 1696 г.² Их переписка закончилась после начала Северной войны, когда, с одной стороны, они оказались «по разные стороны баррикад», а с другой стороны, Ю.Г. Спарвенфельд прервал свои контакты с русскими знакомыми.

В 1696 г. в письме к нему немецкий ученый писал: «Я полагаю, что Пермь, различные сибирские народы и т.п. говорят на языках, не сходных с языком Русских. В языке первых заметили ливонские слова. Это утверждает меня в убеждении, что все народы от Лапонцев до Татар, живущих за Каспийским морем, родственны по своему происхождению (*d'une rase approchante*) и что к ним нужно отнести Финнов, Эстонцев, Ливонцев, Пермь, Самоедов и даже Венгерцев, которые живут между Сибирью и Каспийским морем»³. И хотя Ю.Г. Спарвенфельд не оставил нам связного текста по истории и языкам финно-угорских народов,

его вклад в становлении финно-угроведения очень велик.

К началу 1700-х гг. у Г.В. Лейбница уже сложились определенные представления о том, что по языкам можно лучше всего различать народы. На основе собранных данных он предпринял первую попытку рассмотреть многообразие европейских и азиатских языков⁴.

Необходимо сделать одно замечание. В этот момент наука характеризуется стремлением к поиску классификационных типологических схем как в естественных, так и в гуманитарных науках. Исходя из этой идеи, он разделил языки на три большие группы: арамейские (семитские), кельтские (индоевропейские) и скифские (включив в их число тюркские, славянские и финно-угорские)⁵. Позднее, 9 августа 1708 г., он писал Урбиху, одному из своих коллег, следующее: «Значительная часть народов в Европе и Азии вышла из областей, подвластных теперь царю. Поэтому такие исследования особенно возможны. До сих пор знаю в Скифии только три языка очень распространенные: 1) Сарматский, на котором говорят русские, словаки, поляки, богемцы и пр.; 2) Татарский, на котором говорят турки, калмыки, монголы; 3) Финский употребляется Лапонцами, Финляндцами, Венгерцами и простирается за пределы Каспийского моря. Я не знаю, есть ли в России другие языки, столь распространенные, и куда отнести множество отдельных наречий, например, язык Самоедов, Сибиряков, Мордвы, Черкесов и Черемисов»⁶.

Первые конкретные данные, подтверждающие эти гипотезы, были собраны *Данишлом*

⁴ Чучмарев В.И. Г.В. Лейбниц и русская культура. М., 1968.

⁵ Лейбниц В. Г. Новые опыты... С. 244.

⁶ Герье В.И. Отношения Лейбница к России... С. 71; Richter L. G.W. Leibniz und sein Russlandbild. Berlin, 1946. S. 75–87; Барон Иоганн Кристоф фон Урбих (1653–1715) — выходец из Тюрингии, с 1703 г. на службе Петра I. 1707–1712 гг. — русский посол в Вене, один из источников Г.В. Лейбница по русским делам, именно через него немецкий ученый представил в Петербурге план распространения наук в России и создания Академии наук с университетом.

Gabriel Sparfvenfelt and the Lexicon Slavonicum; his contribution to the 17th century Slavonic lexicography. Uppsala. 1985 // Вопросы языкознания. 1993. № 1–3. С. 147–151.

¹ Некрасов Г.А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей. IX–XVIII вв. М., 1993. С. 85–89, 136–138.

² См., например, *Gottfried Wilhelm Leibniz. Sämtliche Schriften und Briefe*. Bd. 8. Berlin, 2005. S. 141–159; 445–448, 500–501 и т.д.

³ Герье В. Отношения Лейбница к России... С. 41.

Готлибом Мессершмидтом (1685–1735) и **Филиппом Иоганном Таббертом фон Страленбергом** (1671–1747) в ходе т.н. Первой Камчатской, или Сибирской, экспедиции 1720–1728 гг.¹ Этнолингвистические и картографические данные, собранные в ходе этого путешествия Д.Г. Мессершмидтом среди коми-пермяков и удмуртов, можно считать первыми достоверными научными данными об этих народах. Янош Гуя считает, что автором всех материалов является Ф.И. Страленберг, обосновывая свой вывод тем, что они присутствуют в его книге². Но данный вывод ошибочен, так как их автором является Д.Г. Мессершмидт. Как показывают сохранившиеся в архиве Академии наук рукописи Д.Г. Мессершмидта, часть из которых, в первую очередь касающиеся сибирских народов, была опубликована лишь в 1962–1977 гг., Ф.И. Страленберг лишь воспользовался сложившейся ситуацией и первым их опубликовал, тогда как Д.Г. Мессершмидт не смог этого сделать в силу независимых от него условий. Тем не менее мы остановимся на описании имеющихся сведений в трудах обоих путешественников.

Об известном путешествии **Даниила Готлиба Мессершмидта** до революции было написано довольно мало³. Интерес к нему как

¹ Новлянская М.Г. Филипп-Иоганн Страленберг. М.; Л., 1966; *Она же*. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по истории Сибири. Л., 1970; *Напольских В.В.* Дважды забытый (Д.Г. Мессершмидт — первый исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт-Лад. Сыктывкар, 1998. № 4. С. 146–156; *Он же*. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск, 2001; *Pallas P.S.* Nachricht von D.G. Messerschmidts siebenjahrigeer Raise in Sibirien // Nordische Beytrage zur physikalischen und geographischen Erd- und Volkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. SPb., 1782. Bd. 3. S. 97–158.

² Гуя Я. Краткий очерк истории сравнительного финно-угорского языкознания // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. С. 58–59.

³ Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей. Т. 2. М., 1845; Материалы для истории Академии наук. Т. 1. СПб., 1885; Т. 6. СПб., 1890; *Пеккарский П.П.* Ведение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 350–362; *Он же*.

исследователю возник только в советское время, когда деятельность этого ученого стала объектом специальных разысканий⁴. Это было связано с тем, что он был достаточно противоречивой фигурой в истории русской науки. Реабилитация Д.Г. Мессершмидта произошла после публикаций М.Г. Новлянской⁵. Тогда же Академиями наук СССР и ГДР были изданы дневники его путешествия на немецком языке с соответствующими комментариями⁶. Хотя полной научной оценки деятельности этого ученого не существует до настоящего времени.

Даниил Готлиб Мессершмидт (Messerschmidt Daniel Gotlib, 1685–1735) родился в г. Данциг (Гданьск, Польша) в семье мелкого чиновника⁷. Известно, что в 1706–1713 гг. Д.Г. Мессершмидт учился в университетах Йены и Галле, где в основном изучал естественные науки и классические языки. В Университете Галле он числился студентом медицинского факультета. Это подтверждают книги из его собрания, сохранившиеся в Библиотеке Российской академии наук⁸. Надо отметить, что г. Галле в то время был одним из

Наука и литература в России при Петре I. СПб., 1862. С. 300–362.

⁴ Андреев А.И. Материалы по этнографии Сибири. XVIII в. // Советский Север. № 3. 1939. С. 73–83; *Он же*. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век. (первая половина). М.; Л., 1965. С. 39–40; *Бондарский М.С.* Очерки по истории русского земледелия. М., 1947. Вып. 1. С. 93–95; *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (XVIII в.)... С. 13–19.

⁵ Новлянская М.Г. Д.-Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири // Изв. Государ. географич. об-ва. 1962. Т. 94. № 3. С. 231–239; *Она же*. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970; *Винтер Э.* Научное исследование Сибири в петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д.Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727). М., 1971.

⁶ *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibiria 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Teile 1–5. Berlin, 1962–1968.

⁷ Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 7; *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibiria. Teile 1; *Напольских В.В.* Удмуртские материалы... С. 15–25.

⁸ *Беляева И.М.* Редкие книги в фонде Библиотеки РАН из собрания Д.Г. Мессершмидта // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 22–26.

главных центров изучения России и Востока в Германии, и эта атмосфера, по-видимому, повлияла на его научные интересы¹. В 1713 г. он окончил университет и получил степень доктора медицины. Некоторое время занимался медицинской практикой в родном городе. Здесь молодой ученый познакомился с профессором Иоганном Филиппом Брейном, основателем Музея естественной истории в Данциге. Позднее Д.Г. Мессершмидт назвал его своим научным учителем, привившим ему стремление к познанию окружающего мира. В 1716 г. профессор И.Ф. Брейн представил Д.Г. Мессершмидта Петру I как ученого, который мог бы заняться исследованием естественных богатств Российской империи. В 1718 г. немецкий ученый прибыл в Петербург, посетив по пути Финляндию. Согласно контракту, подписанному с Академией наук, он должен был ехать в Сибирь для занятий «а) географией страны, б) натуральной историей, с) медициной, лекарственными растениями и эпидемическими болезнями, d) описанием сибирских народов и филологией, e) памятниками и древностями и f) вообще достопримечательностями»². А уже 15 ноября того же года появляется Указ Петра I «О посылке доктора Мессершмидта в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, коренья и семян и прочих принадлежащих статей»³, а сам ученый был причислен к Медицинской канцелярии Петербургской академии наук. На основе этого документа он должен был изучать географию страны, естественные богатства, этнографию и исторические памятники. В сентябре 1719 г. в свите посольства князя Л. Измайлова, направленного Петром I в Китай, Д.Г. Мессершмидт отправляется из Москвы в Сибирь через Казань, Хлынов (Вятку), Соликамск,

Верхотурье в Тобольск. Здесь ему было разрешено взять в помощь «швецких арестантов обер-офицера Ивана Филиппова Табберта и унтер-офицера Даниила Каппеля».

Д.Г. Мессершмидт работал в Сибири с 1720 по 1727 г., проводил систематические сборы в области ботаники, зоологии, минералогии, истории, археологии и этнографии на обширной территории от Волги до Енисея. Собранные им данные отличались новизной и занимательностью, были интересными для XVIII в. Как позднее отмечал академик **Г.Ф. Миллер**, принимавший материалы экспедиции Д.Г. Мессершмидта в составе специальной комиссии академиков, результаты его путешествия «превызошли все ожидания». Но они заслуживают более пристального изучения, являясь, по сути, первоисточником наших сведений по языкам и этнографии народов России⁴. Кроме того, он стоял у истоков и археологического изучения Сибири. Именно Д.Г. Мессершмидт интересовался происхождением того большого собрания древностей, которое сегодня известно как «Сибирская коллекция Петра I»⁵.

Сведений о народах коми он, по-видимому, собрал во время своего пребывания в Соликамске. Там он был дважды, в 1720 г. по пути в Тобольск и в 1725–1726 г., когда, следуя в Петербург, он пробыл в этом городе около восьми месяцев. Пермско-остяцкие числительные, местоимения и существитель-

⁴ Об этом см.: *Титова З.Д.* Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д.-Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978. Вып. 8. (Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 107.) С. 5–14.

⁵ Более подробно об этом см.: История археологического исследования Сибири. Омск, 1990; Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири. Омск, 1992; *Матюценко В.И.* История археологических исследований в Сибири (до конца 1930-х гг.). Омск, 1992; *Курочкин Г.Н.* Большая охота за сибирским «могильным золотом» // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб., 1995. С. 9–17. Общий обзор его археологических материалов см.: *Brentjes Burchard, von.* Dannil Gotlib Messerschmidt — der Pionier der sibirischen Archæologi // UAJ. NF. Bd. 8. S. 137–138.

¹ *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 290–302.

² *Пекарский П.П.* Ведение в историю просвещения... С. 351.

³ *Мессершмидт Д.Г.* Sibiria perlustrata // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 98, оп. 1, № 1, л. 6 об.

ные присутствуют в его рукописи, озаглавленной «*Vocabularium polyglotton Tattaricum adornatum a Daniele Gottlieb Messerschmidt med. D. in itineribus per Sibiriam et circumjacentem Tattariam Magnam ab A. 1720 usquam a 17*»¹. Частично они приведены в рукописи Д.Г. Мессершмидта «*Specimen Philologicum Hyperborei*», которая содержит таблицу «*Specimen der Zahlen und Sprachen Einiger Orientalischen und Siberischen Völker...*» и включает ряд этнолингвистических материалов по коми². З.И. Кузнецова, изучавшая рукописи Д.Г. Мессершмидта, опубликовала только названия числительных от 1 до 10 и отметила, что больше в его рукописях ничего нет³. Но она ошиблась: в путевых дневниках имеется значительный этнолингвистический материал, который может быть использован для характеристики традиционной культуры коми начала XVIII в. Как отмечает Янош Гуя, эта таблица была составлена в 1720 г. и она фактически аналогична той, которая была опубликована Ф.-И. Страленбергом в 1730 г.⁴ Он полагает, что Д.Г. Мессершмидт оказал помощь в составлении подобной таблицы Ф.-И. Страленбергу. Правильнее считать, что эти таблицы были составлены в Тобольске на основе материалов Д.Г. Мессершмидта, Ф.-И. Страленберга и тобольских архивов, ибо основное их путешествие еще только начиналось.

В дневниках Д.Г. Мессершмидта, опубликованных В.В. Напольских, имеется следующий пассаж. Рассуждая о языке удмуртов, ученый отмечает: «*Что касается их языка, то я нашел его весьма и весьма схожим с пермяцким на Пелыме и т.д., с которым меня познакомил один крещеный пермяк в 1722 г. в Красноярской у устья Качи на реке Енисее*»⁵. Здесь можно указать на один интересный момент. Ученый пишет о какой-то пермяцкой

группе, существовавшей в его время в районе р. Пелым, о которых не имеется сведений сегодня. Из данного фрагмента также неясно, кого он понимает под пермяками.

Д.Г. Мессершмидт возвратился в Петербург в марте 1827 г. Здесь он оказался в центре громкого скандала, когда ученого обвинили в «свокорыстных интересах», а все его материалы были опечатаны. С путешественника была взята подписка, что он не будет ничего публиковать без разрешения академии, т.е. его лишили всех собранных им материалов⁶. Именно этим объясняется то, что его дневники и другие материалы пролежали в академии более 200 лет. В 1729 г. он покинул Россию, но несчастья продолжали преследовать его. Корабль, на котором Мессершмидт возвращался в Германию, затонул, и ученый потерял все оставшиеся у него на руках книги и рукописи. Дома он также оказался никому не нужен, и Д.Г. Мессершмидт принимает решение снова отправиться в Россию, чтобы иметь возможность работать со своими материалами. 1730–1735 гг. он провел в нищете в Петербурге, где и умер. Как написал П.П. Пекарский, «*честный и необщительный доктор считал униженным для себя просить должного по его заслугам воспомоществования и в последнее время жил при пособии некоторых из друзей, а также Феофана Прокоповича*»⁷.

Хотя его имя и было известно ученому миру, сибирская часть его материалов была издана лишь в 1960-е гг.⁸ Недавно его записки об удмуртах опубликовал В.В. Напольских⁹. Но большая часть его материалов до настоящего времени не опубликована. Анализ высказанных Д.Г. Мессершмидтом идей в области финно-угроведения был недавно дан В.В. Напольских¹⁰. Из записей ученого видно,

⁶ Их общий обзор см.: Новлянская М.Г. Д.Г. Мессершмидт... С. 157–179.

⁷ Пекарский П.П. Ведение в историю просвещения... С. 362.

⁸ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibiria...

⁹ Напольских В.В. Удмуртские материалы... С. 123–130.

¹⁰ Там же.

¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 98, оп. 1, № 35, л. 12 об. — 20 об.

² Там же, № 36.

³ Кузнецова З.И. Обзор памятников коми... С. 228–229.

⁴ Гуя Я. Краткий очерк истории... С. 59.

⁵ Напольских В.В. Удмуртские материалы... С. 79.

что он одним из первых в европейской науке, в российской частности, отметил родство удмуртов, черемисов (марийцев), мордвы, пермяков с вогулами (манси) и остяками (ханты), а также с самоедами и тунгусами (сходство их наречий, обычаев и т.д.)¹. То есть он предвосхитил теорию урало-алтайского родства, более серьезно разработанную **М.А. Кастреном** спустя почти 100 лет. Д.Г. Мессершмидт был достаточно подготовлен для подобных теоретических изысканий. Так, он полемизирует со шведским историком Олафом Рудбеком Старшим, который в своем труде «Атлантика или родина человечества...» полагает Скандинавию прародиной большинства европейских народов, вышедших оттуда вместе с готами. Сам Д.Г. Мессершмидт считал, что бывшее место обитания готов, в число которых он включал всех финно-угров, находилось на востоке, в центре Азии². Также им было высказано предположение, что современные финно-угорские и самодийские народы относятся к «древним гуннам и скифам». Вообще говоря, именно Д.Г. Мессершмидт впервые предложил классификацию народов Сибири и Поволжья, позднее опубликованную **Ф.-И. Страленбергом**, который ввел в научный оборот «гуннскую группу» народов, впервые определенную Д.Г. Мессершмидтом.

Филипп Иоганн (Юхан) Табберт фон Страленберг (Philipp Johann Tabbert von Stralenberg, 1676–1747) родился в небольшом немецком городке Стральзунд (Штральзунд) в Померании, бывшем в то время шведской провинцией³. Его настоящая фамилия — Таб-

берт, но в историю науки он вошел как Страленберг. В.В. Напольских предлагает написание этой фамилии как Штраленберг, что с филологической точки зрения правильно, но в данной работе мы будем придерживаться ставшего традиционным в русской науке правописания⁴.

Его отец был королевским чиновником — ландрентмайстером-казначеем, мать происходила из богатой бюргерской семьи, позднее получившей дворянский титул. У его родителей было 11 детей, в том числе четверо сыновей. Получив первоначальное образование в местной школе, Филипп в 1694 г. поступил вольноопределяющим в шведскую армию Карла XII. В армии он прошел практическую подготовку в области фортификации, участвуя в строительстве ряда военных объектов и укреплений в Померании. Как пишет А. Стринберг, с 1694 г. он капрал, в 1697 г. уже унтер-кондуктор⁵. В 1701 г. лейтенант Ф.-И. Табберт становится квартирмейстером Зюдермандландского (Сюдермандланского) полка и отправляется на театр военных действий. В 1703 г. за участие в штурме крепости Торн получил чин капитана. В 1706 г. принимает участие в разгроме саксонско-польской армии под Фрауштадтом. За заслуги перед шведской короной 31 января 1707 г. Карл XII возводит его и его брата Мартина, бывшего офицером этого же полка, во дворянство под фамилией Страленберг. В 1709 г. он в чине капитана после Полтавского сражения попал в русский плен.

фические исследования в России (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. С. 52–88; *Stralenberg F.J. Svenskt biografiskt handlexikon*. Stockholm, 1906. Bd. 2. S. 541; *Jarosch G. Tabbert-Strahlenberg als Reisegefährte Messerschmidt // Quellen und Stulien zur Geschichte Osteuropas*. Berlin, 1966. Vol. 15. S. 215–220; *Jarring G. Strahlenberg in schwedischer Literatur und Wissenschaft, Ein bio-bibliographische Übersicht // UAJ*. 1976. Bd. 48. S. 121–123.

⁴ *Напольских В.В.* Дважды забытый (Д.Г. Мессершмидт — исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт-Лад. Сыктывкар, 1998. № 4. С. 146–156.

⁵ *Strindberg A. Philipp Johann Strahlenberg och hans Karta ofver Asien // Svenska Sälleskapet för Antropologi och Geogrtafi. Geografiska Sektion Tidskrift*. 1879. № 6.

¹ *Напольских В.В.* Удмуртские материалы... С. 81.

² *Rudbeck O. Atland eller Manheim. Atlantica sive Manheim*. Upsala, 1679–1702. Bd. 1–4. Цит. по: *Напольских В.В.* Удмуртские материалы... С. 127, 129.

³ *Новлянская М.Г.* Ф.-И. Страленберг... С. 25–28; *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях... С. 121–136; *Ярош Г.* Ф.И. Табберт-Страленберг — спутник исследователя Сибири Д.Г. Мессершмидта // Изв. Сибир. отд-ния наук. 1968. Т. 1 (136). Вып. 1. С. 68–72; *Ларссон Ларс-Гуннар.* Жизнь Ф.-И. фон Страленберга и значение его трудов для финно-угорских штудий // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура. Чебоксары, 2003. С. 15–18; *Загребин А.Е.* Финно-угорские этногра-

Имеются несколько версий этого события. Согласно первой, это случилось сразу после битвы, когда, не найдя брата в числе солдат, ушедших за Днепр, он вернулся с целью его поисков на русскую сторону, где и был пленен. По второй версии он отступил вместе с Карлом XII под Бендеры, откуда королем был отправлен в Валахию и пленен русскими в Сучаве¹. По данным Г.В. Шебалдиной, это случилось в конце сентября 1709 г. под Черновцами, когда была пленена основная часть армии Карла XII².

Вначале он оказался в Хлынове, а позднее в числе 16 тыс. шведских пленных после попытки мятежа и побега в г. Свяжске под Казанью был отправлен в Сибирь. Начиная с августа 1711 г. Ф.-И. Страленберг провел в Тобольске 13 лет⁵⁸. Его судьбу круто изменил приезд в этот сибирский город в 1720 г. *Д.Г. Мессершмидта*. Последнему было разрешено использовать в качестве помощников для выполнения поставленных перед ним задач грамотных шведских пленных, находящихся в Сибири «для искания разных материалов, а как он, доктор, возвратится из низовых сибирской губернии городов, тех швецких арестантов ему, доктору, объявить в тобольской губернской канцелярии»³. Так «швецкие арестанты обер-офицер Иван Филиппов Табберт и унтер-офицер Данила Канпель» стали спутниками доверенного лица Петра Великого и начальника первой русской научной экспедиции.

Сам Ф.-И. Страленберг к тому времени уже обратил на себя внимание местных влас-

тей своей любознательностью и стремлением к познанию неведомых земель. Англичанин Джон Белл, еще один иностранный участник экспедиции Льва Измайлова, встречавшийся с нашим героем в Тобольске, позднее писал: «*Капитан Таборт, шведский офицер, в это время писал историю Сибири. Он был джентльменом, весьма способным для такого предприятия; и ежели она когда-либо будет опубликована, она не сможет не дать большого удовлетворения любознательным*»⁴. Ни для кого не было секретом, что он длительное время работал над рукописной картой Сибири, собирал различные естественно-научные и исторические данные. Например, им были составлены 3 варианта карты Сибири, один из которых позднее даже был показан Петру I⁵. Н.Ф. Катанов пишет, что из них сохранилась только одна, последняя версия, две предыдущие были отобраны у Ф.И. Страленберга по приказанию сибирского губернатора князя М.П. Гагарина с запретом заниматься картографией под угрозой высылки из Тобольска на Север. Карта была завершена им только после ареста и казни М.П. Гагарина⁶. В 1730 г. он издал ее в Стокгольме под названием «*Новое географическое описание Великой Татарии как восточной, так и западной, точно воспроизводящее как отдельной части, так и всю территорию в целом вместе со всей Российской империи и в особенности Сибирию*». Сегодня имеются сведения о том, что Ф.И. Табберт-Страленберг некоторое время преподавал в школе, организованной пленными шведами под руководством Курта фон Вреха в этом сибирском городе⁷.

¹ Эта версия была озвучена его братом Мартином Страленбергом в письме профессору, а позднее академику Петербургской академии наук Г.-З. Байеру от 8 января 1724 г. Цит. по: *Новлянская М.Г.* Ф.-И. Страленберг... С. 27.

² *Шебалдина Г.В.* Московские перекрестки полтавских пленников // Шведы в Москве. М., 2002. С. 50–62; Об истории пленения армии Карла XII см. также: *Долгова С.Г.* Шведские пленные в Москве // Шведы в Москве. М., 2002. С. 45–49.

³ Об условиях жизни шведских пленных в Сибири см.: *Новлянская М.Г.* Ф.-И. Страленберг... С. 30–31, 47–69; *Загребин А.Е.* Финно-угорские этнографические... С. 54–58.

⁴ Цит. по: *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях... С. 139.

⁵ *Новлянская М.Г.* Ф.-И. Страленберг... С. 30–31, 47–48.

⁶ *Катанов Н.Ф.* Швед Филипп Иоганн Страленберг и его труд об истории России и Сибири // Известия ОАИЭ. Т. XIX. Казань, 1903. Вып. 2. С. 171.

⁷ *Черказьянова И.В.* Школа пленных шведов в Тобольске: Опыт культурных контактов Германии и России // Немцы в России. Российско-германский диалог. СПб., 2001. С. 159. О деятельности К. Вреха в Тобольске см.: *Пекарский П.* Наука и литература... Т. I. С. 133–134; *Грот Я.К.* О пребывании шведских пленных ...

Во время путешествия по Сибири с марта 1721 г. по 28 мая 1722 г. вместе с Д.Г. Мессершмидтом он продолжил свои научные изыскания¹. В это время в обязанности пленного офицера входили переписка различных бумаг и документов на немецкий и латинский языки, а также ведение официального дневника экспедиции. В течение 14 месяцев он был «честным, набожным, верным и прилежным помощником» Д.Г. Мессершмидта в сибирской экспедиции². В это время в Сибири получают указ Петра I о том, что шведские пленные могут вернуться на родину. Ф.-И. Страленберг, несмотря на уговоры Д.Г. Мессершмидта остаться и продолжить путешествие, принимает решение покинуть место ссылки. Его начальник по этому случаю написал: «Проливая много слез, я простился с красноречивым, прилежным, верным Таббертом, моим единственным другом и подпорюю. Теперь я остаюсь без знакомых и помощника; никогда я не забуду моего любимого Табберта»³. В 1723 г. он был уже в Москве, где ему было разрешено вернуться на родину. После возвращения шведский король Фридрих пожаловал ему чин подполковника, и он был вновь зачислен в Зюдерманландский полк. В 1740 г. назначается комендантом крепости Карлсгам (Карлсгам), где прослужил до своей смерти. На самом деле эти должности были своеобразной компенсацией со стороны короля за трудности во время пребывания в сибирском плену, ибо он не занимался прямыми служебными делами, посвятив дальнейшую свою жизнь публикации собранных материалов.

В результате этого печального и одновременно счастливого жизненного опыта в 1730 г. в Стокгольме появился его большой литературный труд — «Северная и восточ-

ная часть Европы и Азии, поскольку таковые охватывают все Русское государство с Сибирью и Великую Татарю, представленные в историко-географическом описании древнего и нового времени и со многими другими неизвестными сведениями и с никогда еще не издававшимся “Tabula Poliglotta” 32 различных языков татарских народов, с калмыцким словарем и особенно с большой и точной ландкартой вышеуказанных стран и другими гравюрами на меди, касающихся азиатско-скифских древностей. Собрано и составлено Филиппом Иоганном фон Страленбергом во время пребывания в России в качестве шведского военнопленного на основании личных тщательных расспросов и дозволенных ему дальних путешествий изданный» на немецком языке⁴.

Его книга состоит из двух больших частей. Первая носит название «Введение в историко-географическое описание древнего и нового времени северной и восточной частей Европы и Азии». В ней подробно описываются карты, составленные Ф.-И. Страленбергом, приведенные в данном сочинении. В этой части также находятся наиболее интересные для современного исследователя материалы и идеи, которые до настоящего времени обсуждаются учеными-лингвистами и этнографами. Речь идет о 3–4 главах «Введения». Первая из них посвящена описанию языков и народов России. Неславянские народы Московского государ-

С. 131; Зиннер Э.П. Сибирь в известиях... С. 72–73, 77–79.

¹ О совместном путешествии Ф.-И. Страленберга и Д.Г. Мессершмидта см.: Новлянская М.Г. Ф.-И. Страленберг... С. 35–40.

² Новлянская М.Г. Ф.-И. Страленберг... С. 43.

³ Цит. по: Зиннер Э.П. Сибирь в известиях... С. 122–123; Пекарский П.П. Ведение в историю просвещения... С. 355.

⁴ Stralenberg F.J. von. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia in so weit solches das ganze Russische Reich und Sibirien und grossen Tatarey in sich begruffet, in iner Historich-Geographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestelle, nebst einer noch neimahls ans Licht gegebenen Tabula Polydlotta von zwei und dreizigerley Arten Tatariscvher Völkersprachen und einem Kalmuckischen Vokabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Landcarte von de benannten Länderen und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatisch-Scythische Antiquität betreffen; Bei Gelegenheit der Schwedischen Kriegsgefangenschafft in Russland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstatteten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertiget von Philipp Johann von Stralenberg. Stocholm, 1730.

ства вплоть до начала XVIII в. в Европе были известны под именем татар. Именно Ф.-И. Страленберг впервые публично выступил против такого заблуждения, заявив, что оно возникло из-за незнания реальной картины этнического мира Сибири, ибо на этой территории проживает много различных народов. Их описание и классификация на основе сопоставления определенных слов и были изложены Ф.-И. Страленбергом в виде специальной таблицы «*Gentium Boreo-Orientalium Vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum*» («Свод языков северо-восточных народов, в просторечии татар»)¹. Для этого он сопоставил 60 важных для жизни слов и терминов, таких как «отец», «мать», «род», «огонь», числительные от 1 до 10 и т.д. на 32 языках, и разбил их на 6 групп²: 1) народы, составляющие в совокупности обро-венгерскую и финскую нацию, имеющие «единый диалект», живущие в Европе и Азии, прародителями которых были гунны, или унны: венгры, финны, вогулы, мордва, марийцы, пермяки, вотякаи остяки; 2) тюркские народности: якуты, чуваша, сибирские татары; 3) народы самодийские (самоедские); 4) народы, «не состоящие под одним управлением», но родственные по вере: калмыки, маньчжуры и тангуты или тибетцы; 5) народы южносамодийские, тунгусские, палеоазиатские; 6) кавказские народы³.

Четвертая глава теоретическая, ибо в ней Ф.-И. Страленберг объясняет методику составления своего «*Tabula Polyglotta*» и ее значение для изучения древней истории. Так, исходя установленного по таблице сходства языков I-го класса, он предлагает считать эти языки родственными и что эти народы, про-

живающие в разных регионах Европы и Сибири, в древности жили в одном месте⁴.

Вторая часть, являющаяся по большому счету собственно описанием России, названа автором «*Историко-географическое описание древнего и нового времени северной и восточной части Европы и Азии, и при сем Российской империи, особенно ее северной части*». В ней подробно описывается древняя история России, хотя основной акцент делается на Петровском времени. Она представляет собой исторический обзор.

Переизданное в 1738 г. в Лондоне на английском языке, а в 1757-м в Амстердаме на французском, в 1780-м на испанском, это сочинение надолго сделало Ф.-И. Страленберга главным знатоком Сибири, а его книгу — одним из первых научно достоверных источников по этнографии народов России в западно-европейской историографии⁵. Успеху книги способствовало и то, что в то время в Европе особым вниманием пользовались те сочинения, авторам которых приходилось лично бывать в России. А в начале XVIII в. такими людьми были шведы, занесенные в Московское государство в ходе длительной Северной войны. Вернувшись на родину, многие из них опубликовали свои записки об этом государстве⁶. Ведь в ней впервые опубликованы ре-

⁴ *Stralenberg F.J., von. Das Nord- und Östliche Theil... S. 61.*

⁵ Известия иностранных писателей о народах Восточной Европы. F.J. Stralenberg // Изв. ОАИЭ. 1893. Т. 19. Вып. 3. С. 241–251; Катанов Н.Ф. Швед Филипп Иоганн Страленберг и его труд об истории России и Сибири // Изв. ОАИЭ. 1903. Т. 19. Вып. 2. С. 170–174.

⁶ Подробно о пленных шведах в Сибири и их значении в знакомстве Европы с Россией см.: Грот Я.К. О пребывании пленнх шведов в России при Петре Великом // ЖМНП. 1853. № 2. С. 119–178; Он же. О пребывании пленнх шведов в России при Петре Великом // Тр. Я.К. Грота из русской истории. Исследования, очерки, критические заметки и материалы (1846–1890). СПб., 1901. С. 122–137; Зиннер Э.П. Известия шведских военнопленнх о Сибири // Уч. зап. Иркут. гос. пед. ин-та. Вып. 1961. 18 (10); Он же. Сибирь в известиях... С. 70–71; 89–100; Новлянская М.Г. Ф.-И. Страленберг... С. 13–24; Шарыткин Д.М. Русские дневники шведов — полтавских пленнх // Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1976. С. 50–85; Дмитрие-

¹ *Stralenberg F.J. von. Das Nord- und Östliche Theil... S. 15–50, 55–72.*

² Характеристику взглядов Ф.И. Страленберга с точки зрения современной лингвистики см.: *Manaster Ramer A., Sidwell P. The truth about Stralenberg's classification of the languages Noreastern Eurasia // JSFOu. 1997. Vol. 87. P. 139–160.*

³ Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. 2-е изд., доп. и исправ. Л., 1982. С. 62–63.

альные сведения о крупнейших географических открытиях русских на Востоке, сделанных в течение XVII — начале XVIII в., приведены замечательные картографические материалы, основанные на новейших для того времени данных и т.д. Материалы же его патрона, Д.Г. Мессершмидта, фактически остались неизвестными для науки.

Книга Ф.-И. Страленберга достаточно быстро попала в Россию и стала предметом пристального изучения со стороны российских ученых. Особенно она заинтересовала **В.Н. Татищева**, который в это время работал над своей «Историей Российской». Они были лично знакомы, впервые встретились в Сибири, а позднее общались во время пребывания В.Н. Татищева в Швеции в 1724–1726 гг.¹ Возможно, что именно В.Н. Татищеву Ф.-И. Страленберг обязан некоторыми своими сведениями по истории России². В.Н. Татищев нашел это сочинение очень содержательным и полезным, хотя и отнесся к нему снисходительно: «*Сей господин издатель по его любопытству и по трудам весьма похвалы достоин и подлинно можно сказать, что он другим подал немалую причину о происхождении и переселениях народов, обретающих в сих странах... и хотя некоторые погрешности в его мнении находятся, однако ж видимо, что то наиболее от недостатка полученных им известий и знания русского и татарского*

языков»³. Но несмотря на такое мнение, по его поручению некоторые разделы этой книги были переведены на русский язык, а отдельные материалы В.Н. Татищев даже включил в свою «Историю». Им же были составлены и опубликованы на немецком и русском языках примечания к этому сочинению⁴.

Книга Ф.И. Страленберга тщательно изучалась **Г.Ф. Миллером**, который в своей «Сибирской истории» во многих местах полемику с шведом, уточняя или опровергая его данные и указывая на неточность и сомнительность некоторых этнографических сведений⁵. Не обошел вниманием эту книгу и **И.Э. Фишер**, который критиковал лингвистические построения шведско-немецкого ученого (об этом см. в разделе о **И.Э. Фишере**). В этом есть определенный смысл, так как с лингвистическими идеями того времени, в частности с изучением языков с помощью параллельных типовых текстов, он смог познакомиться только у **Д.Г. Мессершмидта**. Однако, к большому сожалению, перевод на русский язык этой интересной книги был сделан только в конце XX в.⁶

³ Татищев В.Н. «Примечания на книгу, учиненную г-ом Страленбергом, имянуемую северной, восточной страны Европы и Азии, печатанной 1730 году в Стокгольме» (Хранятся в отделе рукописной книги Библиотеки РАН. 17.9.7). С. 1–2.

⁴ Примечания В.Н. Татищева на книгу Ф.-И. Страленберга см.: Попов Н. В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861. С. 586–589, 709–716. В советское время примечания В.Н. Татищева 1732–1736 гг. были включены в его книгу: Татищев В.Н. История Российская. Т. VII. Л., 1968. С. 379–431.

⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 174, 175, 184–188, 221, 247, 248–249 и т.д.

⁶ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого / сост. Е.А. Савельева, Ю.Н. Беспятовых, В.Е. Возгрин. М., 1985. Т. 1; М., 1986. Т. 2. Но фактически это издание русского перевода XVIII столетия, который содержит только историческую часть сочинения немецко-шведского ученого. И тогда, и в 1985 г. переводчики прошли мимо лингвистических штудий Ф.-И. Страленберга, изложенных им во введении к книге, которые имеют важнейшее значение для становления современного финно-угроведения.

ва Л.В. Шведы в Тобольске // Скандинавские чтения 2002 г. СПб., 2003. С. 439–443; Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII в. М., 2005; Wreech C.F. v. Wahrhafte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien... Sorau, 1725; Härmäläinen A. Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karls XII über die finnisch-ugrischen Völker // JSFOu. 1937–1938. Vol. 49. P. 1–55.

¹ Юхм А.И. Поездка В.Н. Татищева в Швецию (1724–1726 гг.) // Исторические зап. М., 1971. С. 269–335.

² Савельева Е.А. Русские переводы книги Ф.-И. Страленберга в первой половине XVIII века // Зап. капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого / Сост. Е.А. Савельева, Ю.Н. Беспятовых, В.Е. Возгрин. М.; Л., 1986. Т. 2. С. 230.

Книга шведского путешественника действительно была богата новыми для того времени научными сведениями. Ряд используемых материалов он получил от некоторых местных исследователей, например от С.У. Ремезова и его сыновей. Л.С. Берг писал, что «на основании сибирских источников, главным образом чертежей Ремезова, составлена впервые в 1715 г. в Тобольске шведом Страленбергом карта Сибири»¹. «Чертежная книга Сибири» Семёна Ремезова была составлена в 1699–1700 гг. и пользовалась известностью в Тобольске. А.И. Андреев пишет, что патрон Ф.-И. Страленберга, *Д.Г. Мессершмидт*, имел копии с чертежей (карт) С. Ремезова, хотя оба они ни разу в своих сочинениях и рукописях не упомянули имя тобольского картографа². И.И. Тыжнов считает, что известия Ф.-И. Страленберга о покорении Сибири заимствованы им из т.н. Строгановской летописи³. Что-то было собрано им самим, что-то получено от Д.Г. Мессершмидта. Сам Ф.-И. Страленберг открыто пишет в предисловии к своей книге, что «ожидая возвращения одного моего друга, который провёл в тех отдалённых странах больше времени, чем я, с тем чтобы он мог эту мою работу принять на себя, так как он как учёный мог бы её, вероятно, лучше исполнить. Однако, не имея известий от него и не видя никаких работ, которые были бы выпущены им в свет, он сам решил приступить к написанию книги»⁴. Бурхард Брентес указывает, что Ф.-И. Страленберг скопировал часть материалов и большинство рисунков из путевого дневника Д.Г. Мессершмидта, увез их с собой из России и впоследствии опубликовал в своей книге⁵. А.И. Андреев считает, что знаменитый

рисунок «чудского письма», опубликованный шведским учёным в своей книге, впервые составлен С. Ремезовым, что видно из сопоставления рукописи Мессершмидта и книги Ф.-И. Страленберга⁶.

Тем не менее заслуги Ф.-И. Страленберга важны для развития финно-угроведения как самостоятельной науки. Так, на основе своей «*Tabula Poliglotta*» он впервые показал родство финно-угорских народов, а также высказал идею урало-алтайского родства, предположив, что финно-угры в древности жили вместе с некоторыми сибирскими народами намного восточнее их расселения в XVIII столетии. Поэтому многие современные учёные достаточно высоко оценивают заслуги Ф.-И. Страленберга. Например, Д.М. Насилов отмечает, что «ему первому удалось дать наиболее точную для своего времени картину языкового мира северо-восточных народов»⁷. Н.А. Баскаков считал Ф.-И. Страленберга основателем урало-алтайской теории, отмечая, что он впервые обратил внимание на типологическое сходство этих языков⁸.

Этот вывод был сделан учёным на основе сопоставительного анализа 60 слов в языках 32 народов, которые включали несколько числительных и такие важные слова, как «отец», «мать», «род», «огонь» и т.д. На языке коми он приводит всего 28 слов, объясняя это утерей части своих дневников. Перечислим эти слова: *Ottik* (*оттик*) — один, *Kek* (*кык*) — два, *Kuim* (*куим*) — три, *Niall* (*нёль*) — четыре, *Witt* (*вит*) — пять, *Kuatt* (*квэйт*) — шесть, *Zzisim* (*сизим*) — семь, *Kakiems* (*кёкъямыс*) — восемь, *Osekmas* (*ёкмыс*) — девять, *Das* (*дас*) — десять, *scho* (*сё*) — сто, *Jahn* (*ен*) — бог, *Mort* (*морт*) — 1 человек, *Nian* (*нянь*) — хлеб, *Jay* (*яй*) — мясо, *Kärg* (*кар*) — город, *Ma* (*му*) — земля, *Kizillas* (*кодзувъяс*) — звезды, *Schonde* (*шонди*) — солнце, *Schin* (*син*) — глаз, *Kill* (*кыв*) — язык, *Tosch* (*тош*) — борода, *Ky*

¹ Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга 1725–1742 гг. М.; Л., 1946. С. 310.

² Андреев А.И. Очерки по источниковедению... Вып. 1. С. 147–149.

³ Тыжнов И.И. Обзор иностранных известий... С. 39, 55.

⁴ Новлянская М.Г. Ф.-И. Страленберг... С. 72; *Stralenberg*... S. 62.

⁵ *Brentjes Burchard, von. Dannil Gotlib Messerschmidt — der Pionier der sibirischen Archeologi // UAJ. NF. 1988. Bd. 8. S. 138.*

⁶ Андреев А.И. Очерки по источниковедению... Вып. 1. С. 148.

⁷ Насилов Д.М. Об алтайской языковой общности // Тюркологический сб. 1974. М., 1978. С. 103.

⁸ Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и её изучение. Л., 1981. С. 29–30.

(ки) — рука, Лара (лапа) — нога, Tolich (тольсь) — месяц, Рёнп (пон) — собака, Ву (би) — огонь, Wow (вёв) — лошадь¹. К сожалению, неясно, где они были записаны: или на обратном пути из Сибири, или в районе Соликамска, или Вятки; может быть, он услышал их в Сибири. Можно предположить, что эти записи были выполнены им самостоятельно, так как у Д.Г. Мессершмидта количество коми слов намного больше. В его работе есть и другие интересные сведения, например, достаточно подробное описание «Перми Великой», в котором перечисляются земли и уезды, которые входили в ее состав. В.В. Низов, проанализировав эти сведения, пришел к выводу, что они восходят к «Житию Стефана Пермского»². Это замечание позволяет предполагать, что Ф.-И. Страленберг или был знаком с этим произведением, или имел информантов, знакомых с Житием. Кроме того, он впервые приводит современное название народа коми на латинице — *comi*, в то время как остальные исследователи называли этот народ зырянами. В его книге также имеется некоторое количество географических названий с территории обитания народов коми, в частности в разделе, посвященном водным путям, пролегающим в Сибирь через Вологду и Великий Устюг по Вычегде и Кельтме³.

Рассматривая научные достижения Ф.-И. Страленберга, следует отметить, что он фактически является автором одной книги, хотя и достаточно значимой даже для современной науки. Но ведь он был не ученым, а всего лишь продвинутым краеведом. Например, М.Г. Новлянская упоминает, что Ф.-И. Страленберг в своей книге сетует: «Должен признаться, что в первое время своего

пребывания в плену я знал об особенностях этих стран столько же, сколько же остряк о Германии. И как бы мне не хотелось получить сведения об этих странах, мне недоставало знания необходимых для этого языков»⁴. Кроме того, во время пребывания в Сибири он не имел доступа к специальной научной литературе. Этот факт отмечали некоторые исследователи его творчества. Рассматривая лингвистическую классификацию Ф.-И. Страленберга, исследователь А.П. Хузангай (Чебоксары) отметил некую мистичность этого сочинения: «Остается только догадываться, как на основе столь скудного лексического материала (его общий список сравниваемых лексем насчитывал примерно 60 единиц) ему удалось в общих чертах ярко показать родственные связи между языками. Было ли это результатом особой интуиции или же гениальным прозрением автора?»⁵

Парадокс заключается в том, что абсолютное большинство отечественных и зарубежных ученых рассматривают Ф.-И. Страленберга в качестве самостоятельного исследователя, первооткрывателя Сибири. Чтобы понять феномен Ф.-И. Страленберга, следует рассмотреть его достижения в связи с научными знаниями и концепциями его патрона — Д.-Г. Мессершмидта. Необходимо отметить, что на тот момент в России был только один человек, знакомый с генетической классификацией языков, созданной на рубеже XVII–XVIII вв. крупнейшим немецким ученым, математиком, философом, лингвистом, историком **Готфридом Вильгельмом Лейбницем**.

Этим человеком был Даниил Готлиб Мессершмидт. К моменту приезда в Россию он был знаком с новейшими достижениями в области гуманитарных наук и естественной истории. А Ф.-И. Страленберг в это время знакомился с основами фортификационного искусства, картографии, воевал и т.д. Не мог

¹ Кузнецова З.И. Обзор памятников коми... С. 229.

² Низов В.В. Епифаний Премудрый о Пермской земле // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1. С. 192–193.

³ Мусанов А. Коми географические названия в дневниках шведских военнопленных // Финно-угорские народы: проблемы этнической и языковой идентификации. Сыктывкар, 1999. С. 69–71; *Stralenberg...* S. 427–428.

⁴ *Stralenberg...* S. 7.

⁵ Хузангай А.П. Шведский «прибавочный элемент» в чувашской компаративистике // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура. Чебоксары, 2003. С. 4.

он познакомиться с идеями Г.В. Лейбница и в Сибири. Конечно, они обменивались мнениями, знаниями, идеями, что было интересно обоим исследователям. Собственно в книге Ф.-И. Страленберга имя Г.В. Лейбница появляется только один раз, когда автор ссылается на мнение немецкого ученого о том, что Скифия — это имя собственное и не принадлежит конкретному народу, а у греков оно обозначало всех тех людей, которые отличались в охоте на зверей и в стрельбе из лука¹.

К сожалению, мы не можем должным образом оценить труды Д.-Г. Мессершмидта, так как в нашем распоряжении имеются лишь опубликованные дневники его путешествия. Ранее уже говорилось, что Ф.-И. Страленберг сумел вывезти некоторые копии экспедиционных материалов. Поэтому можно предположить, что Д.-Г. Мессершмидт и Ф.-И. Страленберг — одно и то же лицо, а книга, вышедшая в 1730 г. под именем последнего, есть сочинение первого, в крайнем случае, это их совместный труд, написанный во время пребывания в Сибири. Но это гипотеза, которая требует дальнейшей разработки. Во всяком случае Ф.П. Аделунг видел в бумагах Бакмейстера написанный самим Д.-Г. Мессершмидтом «*Spicemen der Zahlen einiger orientalischen und sibirischen Völker*», содержащий записи слов 20 народов².

Следующий этап исследований народов коми связан с именами участников Второй камчатской, или Великой северной, экспедиции (1733–1743) Герхарда Фидриха Миллера и Иоганна Эберхарда Фишера, в ходе которой они проводили свои изыскания в том числе и среди финно-угорских народов.

Миллер Герард Фридрих (Фридерих), или, как его звали в России, Федор Иванович (1705–1783), — российский историк, путешественник, академик Санкт-Петербургской академии наук³. Родился в городе Герфорд

в Вестфалии (Германия)⁴. Происходил из семьи местного пастора, бывшего одновременно и ректором местной гимназии. Учился в Рингельнском и Лейпцигском университетах, где изучал историю. Из учебы в университетах Г.Ф. Миллер вынес философские и лингвистические познания, знание классической литературы, а также знакомство с последними теориями в области лингвистики и этнографии, в частности с генетической системой языкового родства **Г.В. Лейбница**. Он принадлежал, по словам А.Л. Шлецера, к той категории немецких студентов, которые полагали, что легче, чем в России, нигде нельзя сделать себе счастье⁵. Поэтому в 1725 г. Г.Ф. Миллер приехал в Россию, чтобы сделать служебную карьеру, «не только без всяких рекомендаций, но и с последним червонцем в кармане», и был принят преподавателем латинского языка, истории и географии в академическую гимназию по контракту на один год⁶. Правда, надо сказать, что Г.Ф. Миллеру все же была оказана поддержка со стороны знакомого историка И. Коля, который переехал в Россию в 1725 г. в числе первых приглашенных иностранных ученых и искал себе помощников⁷. Он позднее писал, что на первых порах «более прилежал к сведениям, требуемым от библиотека-

Копелевич Ю.Х. Г.Ф. Миллер и Петербургская академия наук // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 475–483.

⁴ *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. М., 1965. Вып. 2: XVIII век (первая половина). С. 74–75; *Каменский А.Б.* Судьба и труды Г.Ф. Миллера // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996; *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 19–27.

⁵ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг-а Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе // Сб. Отд-ния русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1875. Т. 13. С. 378.

⁶ *Black J.L.* G.F. Müller and the Imperial Russian Academy. Kingston. Montreal, 1986; *Смагина Г.И.* Педагогические взгляды Г.Ф. Миллера // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 497–504.

⁷ *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. С. 310.

¹ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга... Т. 2. С. 18.

² *Пекарский П.П.* Ведение в историю просвещения... С. 351.

³ *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 305–430;

ря, рассчитывая сделаться зятем Шумахера и наследником его должности. И лишь когда у меня исчезла надежда сделаться его зятем, я счел продолжить другой, ученый путь»¹. (Здесь речь идет о И.Д. Шумахере, советнике канцелярии Академии наук, фактически первом человеке в Академии. Известна постоянная борьба с ним М.В. Ломоносова против засилья иностранцев в Академии. — А.Т.) По совету академика Г.З. Байера он стал заниматься разысканиями в области русской истории. И надо сказать, что в этом он достаточно преуспел². В 1728–1730 гг. — редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Примечаний» к ним на русском и немецком языках. С 1732 г. — издатель сборников «Собрание русской истории» на немецком языке³. В 1730 г. избирается экстраординарным профессором академии. В 1730–1731 гг. был командирован Академией наук в Англию, Голландию и Германию для знакомства с организацией учебного процесса⁴. В 1733 г.

Г.Ф. Миллер был включен в состав Второй камчатской экспедиции под руководством В. Беринга в качестве историка и в течение 10 лет объехал Поволжье, Урал и Сибирь⁵. В круг его обязанностей входило изучение «географии земли, древности, обыкновений, обрядов различных народов». Этому назначению в какой-то степени способствовало его знакомство с И.К. Кириловым и В. Берингом. С последним он работал в качестве переводчика после возвращения датского капитана из своей первой экспедиции на Камчатку, осуществленной с целью поисков морского прохода между Азией и Америкой⁶.

Из этой поездки Г.Ф. Миллер вернулся признанным специалистом в области истории, этнографии и языкознания. Десять лет работы в сибирских архивах и собственные полевые наблюдения не только обогатили его познания, но и выработали научные методы, приемы работы над источниками. По возвращению из Сибири он продолжал работать в Академии наук. В 1747–1750 гг. — ректор академического университета. С 1754 по 1765 г. состоял конференц-секретарем академии, редактировал журнал «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах»⁷. Несмотря на то что он занимал достаточно высокое административное положение в Академии, его постоянно сопровождали скандалы. Начало им было по-

¹ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. С. 317–318.

² Мирзоев В.Г. Г.Ф. Миллер как историк Сибири в оценке русской дореволюционной и советской историографии // Учен. зап. Кемеров. пед. ин-та. 1963. № 5. С. 45–71; *Он же*. Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово, 1963; *Он же*. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970; Белковец Л.П. К вопросу об оценке историографических взглядов Г.Ф. Миллера // История СССР. 1985. № 4. С. 154–166; *Она же*. Г.Ф. Миллер в оценке отечественной историографии // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 111–122; *Она же*. Г.Ф. Миллер и В.Н. Татищев // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 21–31; Каменский А.Б. Академик Г.Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века // История СССР. 1989. № 1. С. 144–159.

³ Анализ журналистской, а точнее — научно-публицистической, деятельности Г.Ф. Миллера см.: Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988. Характеристику этого журнала см.: Алтаев М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVIII — первая половина XIX в. М., 1985. С. 19–27.

⁴ Копелевич Ю.Х. Из истории международных связей Петербургской Академии наук XVIII в. (поездка Г.Ф. Миллера в Англию, Голландию и Германию в 1730–1731 гг.) // Наука и техника. Вопросы теории и истории. Л., 1972. Вып. 7. Ч. 2. С. 153–159.

⁵ Об экспедиции см.: Островский Б.Г. Великая Северная экспедиция 1733–1743 гг. Архангельск, 1937; Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.; Л., 1940; Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.; Л., 1940; Ефимов А.В. Великие русские географические открытия (в XVII — первой половине XVIII в.). М., 1949.

⁶ Пытин А.Н. История русской этнографии. Т. 1. С. 103–104; Дальман Д. Записки путешественников. Переписка Г.Ф. Миллера, Л. Эйлера и А.Ф. Бюшинга во время и после Второй Камчатской экспедиции, 1733–1743 // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 8–15.

⁷ Копелевич Ю.Х. Г.Ф. Миллер и Петербургская Академия наук... С. 480–482; Белковец Л.П. Г.Ф. Миллер и публикация источников в первом историческом журнале Петербургской Академии наук // Источники по истории общественной мысли и культуре эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 62–77.

ложено в 1749 г., когда Г.Ф. Миллер подготовил свой печально известный доклад «О начале народа и имени российского», с которого в русской исторической науке инициируется конфликт между норманистами и антинорманистами. В его докладе увидели «унижение славы Русского государства». Это вызвало обострение отношений с М.В. Ломоносовым. В 1765 г. Г.Ф. Миллер переезжает в Москву, приняв предложение стать директором Воспитательного дома. Одновременно с 1766 г. до самой кончины был директором Московского архива Коллегии иностранных дел (предшественника современного Центрального государственного архива древних актов)¹.

За время пребывания в Сибири Г.Ф. Миллер, согласно полученной от Канцелярии Академии наук инструкции, занимался одновременно историей и географией этого громадного региона, этнографией и лингвистикой народов, проживающих там, проблемами экономики и внешней политики, геодезии и картографии, проводил археологические и археографические изыскания². Его задачей было написать историю народов, встречающихся на пути экспедиции, описать их религию, быт, обычаи, язык, одежду, торговлю, систему военных и политических убеждений и местность, в которой они живут. Как он писал позднее, «*понеже при отправлении моем в Сибирь главное намерение к тому склонялось, чтоб историю сей пространной земли*

¹ Основным источником жизни и деятельности Г.Ф. Миллера до сих пор остается работа А.Ф. Бюшинга, который много общался с историком и знал о его путешествиях из первых рук: *Büsching A.F. Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insonderheit gelehrter Männer. Halle, 1785. Th. 3. S. 1–160.*

² Инструкция, данная Академией Г.Ф. Миллеру при отправлении в Сибирское путешествие «О истории народов» // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 460–461; *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990; *Он же.* Миллер Г.Ф. — этнограф сибирских народов // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 484–489; *Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937 Т. 1. С. 3–57; *Андреев А.И.* Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Там же. С. 59–144; *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению... Вып. 2. С. 76 и след.

обстоятельно описать, чего ради имел я позволение во всех сибирских городах канцелярские архивы пересматривать, и что к тому намерению годно казалось, отдавать списывать, то я по должности своей большую часть моих трудов положил...»³.

В каждом из сибирских городов Г.Ф. Миллер, а он побывал почти во всех крупных населенных пунктах Урала и Сибири, обследовал архивы, выбирая из них важнейшие документы, изымая или копируя их. Так образовались 34 тома документов, известных как «портфели Миллера», представляющие сегодня настоящий клад исторических документов⁴. Наиболее полную и объективную оценку этнографических материалов из его архивных фондов в 1961 г. дал М.О. Косвен⁵. Но подлинное значение деятельности Г.Ф. Миллера как этнографа еще предстоит оценить, что невозможно без публикации всего комплекса его этнографических сочинений. Однако сегодня уже ясно, что он может считаться «отцом» этнографии как науки и эта наука родилась не в Западной Европе, как считалось раньше, а в России⁶.

³ Предисловие Г.Ф. Миллера к русскому переводу «Истории Сибири» // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 159.

⁴ *Голицын Н.В.* Портфели Г.-Ф. Миллера // Сб. Моск. главного архива Министерства иностранных дел. М., 1899. Вып. 6. С. 401–550; *Бакланова Н.А., Андреев А.И.* Обзор рукописей Г.Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 523–544. О взглядах Г.Ф. Миллера на этнографию см.: *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири... С. 132–135.

⁵ *Косвен М.О.* Г.-Ф. Миллер // СЭ. 1956. № 1. С. 73–75; *Он же.* Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. М., 1961. Вып. 3. С. 167–212.

⁶ *Шишло Б.* Истоки и источники русской антропологии (этнографии): взгляд из Парижа // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2003. Вып. 1. С. 257–265; *Элерт А.Х.* Герхард Фридрих Миллер и научное открытие Сибири // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница: материалы Междунар. симп. Екатеринбург, 2006. Ч. 1: Академические исследования северо-западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие. С. 15–28.

Источниковедческий анализ анкет, путевых записей и описаний Г.Ф. Миллера был выполнен А.Х. Элерт¹. Составленная на основе изучения архивов сибирских городов «История Сибири» Г.Ф. Миллера, настоящее название которой «*Описание Сибирского царства...*», является первым научным историческим трудом, в котором представлена основанная на документах история многих народов восточной части Российской империи, в том числе коми². Так, в этом сочинении ученый высказывает предположение об общности языка коми с языком ханты и манси; говорит о том, что многие коми бежали от проповеди **Стефана Пермского** за Урал. Интересна его ремарка о том, что у обских угров найдено много идолов, привезенных бежавшими коми из Пермской земли, чтобы скрыть их от уничтожения. Это еще одно подтверждение мнения **Епифания Премудрого** о том, что в прошлом предки коми поклонялись антропоморфным фигурам духов. Возможно, это были семейные (родовые) реликвии, которые хранились у них в жилищах, как у обских угров (это было описано впоследствии некоторыми исследователями). Они сохранялись у них до второй половины XX в. Г.Ф. Миллер в приложении к своей книге опубликовал в числе других документов «Грамоту царя Бориса Федоровича в Верхотурье князю Матвею Львову о рассылке по церквям посланных церковных книг и предметов и об отправке колокола в Пелым» от 2 июня 1602 г. В тексте этой грамоты упоминается отправленный «с Москвы <...> образ **Стефана Пермского чудотворца**», что говорит о том, что **Стефан Пермский** был

в числе почитаемых общероссийских святых и иконы в честь него направлялись правительством в Сибирь³.

Кроме того, историк в своей книге уделил значительное место выявлению роли коми в освоении Сибири. Так, он утверждает, что коми достаточно давно узнали пути за Урал, охотились там, торговали и сыграли важную роль в присоединении Сибири к Российскому государству и т.д. Причем в этом деле «особенно отличились зыряне, жившие по берегам *Вычегды и Выми*»⁴. Со слов хантов Г.Ф. Миллер пишет о т.н. «*зырянской дороге*», по которой в г. Березов была привезена пушка к моменту основания этого города⁵. Сегодня эта точка зрения считается документально доказанной и принята в науке⁶. Кроме того, он предположил, что название «Сибирь» «возникло в России и происходит, по всей видимости, из языка того народа, который дал первые сведения об этой стране; я имею в виду пермяков или зырян, и от них оно перешло затем к русским»⁷. Позднее против этого выступила К.В. Вяткина, вслед за С.Н. Быковским предложившая выводить это слово из языка киммерийцев; причем оба исследователя были последователями Н.Я. Марра и пользовались его методологией, не имея под рукой данных лексики киммерийского языка⁸.

³ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 396.

⁴ Там же. С. 197, 210, 212 и след.

⁵ Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1758. 1. С. 115.

⁶ Жеребцов Л.Н. К вопросу о роли коми в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории Коми АССР (XVII — начало XX в.). (Тр. ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 16.) Сыктывкар, 1975. С. 3–16; Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в заселении и освоении Сибири во второй половине XVI–XVII вв. // Там же. С. 17–36; Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI — начало XX века). Сыктывкар, 2005. С. 8, 233–234.

⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 191.

⁸ Быковский С.Н. Яфетический предок восточных славян — киммерийцы // Изв. ГАИМК. 1931. Т. 8. № 8–10; Вяткина К.В. К вопросу о термине «Сибирь» // СЭ. 1935. № 1. С. 91–96.

¹ Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера...

² Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. Сочиненно Герардом Фридериком Миллером, историографом и профессором Университета Академии наук и Социетета Аглинского Членом. СПб., 1750. Ч. 1; Вторым тиснением. СПб., 1787; переиздана под названием «История Сибири». М.; Л., 1937–1941. Т. 1–2; Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. Об этом сочинении см.: Мирзоев В.Г. Историография Сибири... С. 126–163.

Но одним из главных научных достижений ученого было решение этногенетических проблем Сибири на основе новой методологии. В этом вопросе он исходил из идей **Г.В. Лейбница** о генетическом родстве языков. Как писал С.В. Бахрушин, «он резко прорывает со средневековой этнографией, оперировавшей при определении принадлежности к той или иной группе народов почти исключительно сходством или единообразием их обычаев»¹. На смену фантастической генеалогии народов, господствовавшей в науке в течение XVII–XVIII вв., которая выводила историю любого народа из Библии, а также показаний греческих и латинских писателей, приходит классификация на основе языкового сходства. Г.Ф. Миллер так определяет свое кредо: «Характеристическое различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменности»². По словам Г.Ф. Миллера, «единственным и необманчивым» признаком всегда был и остается язык, определяющий сходство народов, но данные лингвистики следует проверять историческими фактами, подтверждает ли родство или сходство народов их историческое развитие³. Поэтому, знакомясь с жизнью различных народов в отдаленных районах Российской империи, Г.Ф. Миллер записывал их языки, составлял словари. Всего в настоящее время сохранилось 30 таких лексиконов. В частности, именно в его бумагах Н.М. Карамзин впоследствии обнаружил и опубликовал список стефановского алфавита. Правда, Г.Ф. Миллер не указал источник этого крайне важного для исследователей коми языка со-

общения⁴. По данным А.И. Андреева, в 1734 г., будучи в Томске, Г.Ф. Миллер продолжил работу по собиранию словарного материала языков разных народов, в том числе зырян и пермяков⁵. Это говорит о том, что в начале XVIII в. некоторые представители этих народов проживали в районе Томска. Кроме того, небольшой материал по коми языкам был напечатан им в 3-м томе «Sammlung Russischerer Geschichte»⁶. Это небольшой словарь, чуть более 300 слов, в котором представлены некоторые термины, характеризующие различные стороны жизни коми середины XVIII в.: термины родства, частей тела, названия отдельных видов одежды, пищи и т.д. Лингвистические материалы использовались ученым и для решения других проблем. Так, он впервые высказал мысль о том, что многие топонимы в Западной Сибири могут быть объяснены на основе коми-зырянского языка⁷. Эта идея поддерживается некоторыми современными учеными⁸.

Из других сочинений Г.Ф. Миллера, касающихся народов коми, следует упомянуть «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов»⁹. Анализ этого сочинения

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 65–67, 256–266. Н.М. Карамзин ссылается на 199-й портфель из собрания Г.Ф. Миллера

⁵ Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. С. 71.

⁶ Кузнецова З.И. Обзор памятников коми... С. 229–233; Она же. Лексический материал по коми языку в работах Г.Ф. Миллера // СФУ. 1976. № 1. С. 59–62

⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 264–265.

⁸ См., например: Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее: сб. науч. ст. Сургут, 2004. С. 13.

⁹ Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии Казанской губернии языческих народов, яко-то: Черемис, Чуваши и Вотьяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, отчего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребитель-

¹ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. С. 41

² Соловьев С.М. Герард-Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Современник. 1854. Октябрь. С. 144.

³ Миллер Г.Ф. О народах, издревле в России обитавших. СПб., 1773. С. 2–3.

и его значения для развития современного финно-угроведения был сделан А.Е. Загребин¹. Г.Ф. Миллер в приложении к этому сочинению приводит словарь разнообразных слов на 7 языках, в том числе на коми-пермяцком и коми-зырянском². Кроме того, во введении он называет достаточно общее место расселения коми-пермяков, добавляя, что «пермяки и перемичи, яко жители между Соль-Камскою и Чердынем, которые с зырянами Устюжскими, Соль-Вычегодскими и Яренскими за один народ почитаются»³. В этой книге он также приводит молитву «Отче наш», переведенную на коми язык. Таким образом, Г.Ф. Миллер одним из первых в XVIII в. подтвердил генетическое родство этих двух народов, опираясь на собственные наблюдения, так как «слова на пермском и зырянском языках собирал <...> я сам в бытность у сих народов при возвращении моем из Сибири». Действительно, на обратном пути из Сибири в 1743 г. он посетил Верхотурье и Соликамск и через Кайгородок, Устюг и Вологду вернулся в Петербург, т.е. посетил по пути районы, в которых проживали коми⁴.

Рассматривая зарождение российской этнографии, истории, археологии, а также фин-

ных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как-то: на Казанско-Татарском, Черемисском, Чувашском, Вотьяцком, Мордовском, Пермском и Зырянском, и приобщенным переводом Господней молитвы «Отче наш» черемисском и чувашском языках, сочиненные Герардом Фридрихом Миллером, Императорской Академии наук профессором, по возвращении его в 1743 г. из Камчатской экспедиции. СПб., 1791.

¹ Загребин А.Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. С. 110–122.

² Vocabularium Harmonicum — немецко-татарско-черемисско-чувашско-вотьяцко-мордовско-пермско-зырянский вокабулярий // Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской... С. 378–399.

³ Цит. по: Хрестоматия по культуре чувашского края. Дореволюционный период / Под ред. М.И. Скворцова. Чебоксары, 2001. С. 93.

⁴ Маршрут сибирского путешествия Г.Ф. Миллера и даты его пребывания в населенных пунктах // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера... С. 149–153.

но-угроведения, нельзя обойти фигуру Иоганна Эбергарда Фишера (Johann Eberhard Fischer, 1697–1771), немецкого ученого, сделавшего научную карьеру в России. Родился в г. Эсслингене, Вюртемберг, Германия, в семье директора местной гимназии. З.Д. Титова утверждает, что И.Э. Фишер родился в Швеции, в г. Эстлингге⁵. В России он появляется в 1730 г., имея ученую степень магистра. Сначала И.Э. Фишер был назначен проректором, а потом, в 1732 г., ректором Академической гимназии. По поручению президента Академии наук барона фон Кейзерлинга им был подготовлен проект об устройстве гимназий и училищ в Петербурге⁶. В 1738 г. он выразил желание поехать в Сибирь, чтобы заменить там Г.Ф. Миллера, жаловавшегося на здоровье. Тогда же президент Академии барон А.И. Корф заключил с ним контракт на пять лет (в должности адъюнкта с переводом в профессора по возвращении из экспедиции). По решению Академии Г.Ф. Миллер должен был передать И.Э. Фишеру все собранные материалы для продолжения разысканий, но тот категорически отказался. Вместо этого Г.Ф. Миллер составил для И.Э. Фишера подробную инструкцию проведения исследований. Она состояла из 1287 пунктов, из которых 100 касались изучения сибирских древностей, а 923 — описания быта и нравов, также предоставил форму особого словаря для сбора материалов по языку и диалектов различных народов. В частности, в ней был список, содержащий около 700 слов, которые надлежало переводить на максимально большее количество языков⁷. Составляя эту ин-

⁵ Титова З.Д. И.Э. Фишер — участник Второй Камчатской экспедиции (неопубликованные материалы середины XVIII в.) // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 27–32. Но ее мнение является единственным утверждением, в то время как в большинстве энциклопедий и биографических словарей местом рождения немецкого ученого называется Германия.

⁶ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук. Т. 1. С. 617.

⁷ Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 25. Сама инструкция была опубликована Д.А. Клеменцом в «Сборнике Музея ан-

струкцию, Г.Ф. Миллер исходил из своей практики, когда был вынужден начать работу в Сибири фактически с нуля, без всяких предписаний, вырабатывая как методику проведения исследований, так и политику и практику общения с местными властями. Одновременно в ней были поставлены задачи, которые Г.Ф. Миллер не успел решить во время своего путешествия. Но, как считал В.В. Радлов, «Фишер не сумел воспользоваться этой инструкцией». Этим замечательным наставлением позднее воспользовались П.С. Паллас и А.И. Шегрен, увидев в нем решение многих задач историко-филологической науки того времени.

По возвращении И.Э. Фишер был назначен профессором университета и ректором гимназии. Кроме того, он вместе с Г.Ф. Миллером должен был обрабатывать собранные ими в Сибири материалы и «трудиться в русской истории»¹. О педагогической деятельности И.Э. Фишера имеются разные отзывы — от крайне отрицательных (П.П. Пекарский) до положительных (Г.И. Смагина)². Во всяком случае известно, что он очень серьезно готовился к занятиям по риторике, поэтике, географии и латинскому языку, заказывая много книг в академической библиотеке³. В 1750 г. был уволен с поста ректора. Вообще у И.Э. Фишера был сложный характер. По воспоминаниям современников, он странно держал себя в обществе, обижался на мелочи, терял хладнокровие по всякому поводу. Например, И.Г. Гмелин писал в 1740 г. Г.Ф. Миллеру из Томска, что «людей, с ним бывших,

тропологии и этнографии» (СПб., 1900. Т. 1. С. 37–108), а ранее отдельные положения — В.В. Радловым в его «Сибирских древностях» (СПб., 1894. Т. 1. Вып. 3. С. 88 и след.).

¹ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 624.

² Там же. С. 627; Смагина Г.И. Немцы-учителя и организаторы учебных заведений Петербурга в XVIII веке // Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур. М., 2000. С. 205.

³ Хотев П.И. Немцы — читатели библиотеки Петербургской Академии наук (1724–1736 гг.) // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 23.

я нашел в полном против него восстании»⁴. Из другого письма И.Г. Гмелина видно, что он скептически относился к деятельности своего коллеги: «Полагаю очень бесплодную для Академии посылку его сюда: он ничего не делает и дает заметить, что ничего не хочет делать, прежде чем не получит инструкцию»⁵.

Из экспедиции И.Э. Фишер вернулся в 1747 г. и привез 28 рукописей. Для нас из всех привезенных сочинений наибольший интерес представляет рукопись «Описание пути от города Тобольска через Москву до Санктпетербурга и притом разные известия о разных народах, яко: татарах, вонгуличах, пермяках, вотяках и черемисах, которые обретаются на том пути, на немецком языке», которая, большому сожалению, в настоящее время не найдена⁶. Собранные в ходе Сибирской экспедиции материалы должны были публиковаться в основном Г.Ф. Миллером. И.Э. Фишер же предполагал издать собственный «Историко-географический лексикон о Сибири», что вызвало негативную реакцию со стороны первого⁷. В это время Академия постоянно критиковала Г.Ф. Миллера за поддержку публикации своей «Истории Сибири», и в конце концов она поручила И.Э. Фишеру написать сокращенный вариант книги по материалам Сибирской экспедиции⁸. В результате появилась «Сибирская история...» И.Э. Фишера, завершенная в 1757 г. и изданная в 1768 г. на немецком языке, а позднее переведенная на русский язык⁹. Эта книга

⁴ Цит. по: Андреев А.И. Очерки по историографии... Вып. 2. С. 288.

⁵ Там же. С. 289.

⁶ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 3, оп. 1, д. 813, л. 311–313.

⁷ Мирзоев В.Г. Историография Сибири... С. 168–169.

⁸ Об этом см.: Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. С. 84–85, 94 и след.

⁹ Fischer J.E. Sibirische Geschichte von Entdeckung Sibiriens bis auf Eroberung dieses Landes durch Russischen Waffen. St. SPb., 1768; Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненным на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-

в работах по историографии Сибири часто оценивалась негативно, а автор рассматривался как носитель реакционных, расистских взглядов по отношению к русскому населению и коренным жителям Сибири, оправдывающим колониальную политику царского правительства¹. Во многом формированию такого мнения способствовал сам автор, так как в русском издании он не указал, что книга является изложением сочинения Г.Ф. Миллера. Поэтому характеристика И.Э. Фишера как исследователя российских древностей впоследствии неоднократно привлекала внимание отечественных ученых².

В 1760–1770 гг. деятельное участие в судьбе И.Э. Фишера принял А.Л. Шлецер³. Он высоко ценил его познания в латыни и других классических языках и литературе. И.Э. Фишер придавал лингвистике большое значение в изучении народов, считая ее частью необходимых комплексных исследований. Сегодня сложно понять, это было его личное мнение или оно возникло под воздействием Г.Ф. Миллера и его инструкции. Во всяком случае его взгляды на эту науку близ-

ки миллеровским. В частности, он писал: «При всем том охотно я признаюсь, что произведение слов само по себе есть недостаточно к показанию сродства языков: когда же оно имеет подпоркою географию и историю древних времен, так же общие нравы и обыкновения народов, то, по мнению моему, можно с основанием заключить из одного о другом»⁴. Именно эти лингвистические познания позволили ему критиковать **Ф.-И. Страленберга**, который, по его мнению, «взял себе в голову при этимологических разысканиях все слова из всяких языков соединять и производить от одного начала, когда только оные имеют некоторый вид сходного между собой звону, не взирая на то, что знаменование тех слов между собой разнствуют»⁵. Собственные языковедческие материалы, в частности словари на различных языках сибирских народов, были вывезены И.Э. Фишером в Германию⁶. В этих словарях представлен материал по коми языку⁷. Серьезному лингвистическому анализу данные материалы подверг лишь в конце прошлого столетия Янош Гуя⁸.

В 1770 г. А.Л. Шлецер издал в Геттингене на немецком языке статьи И.Э. Фишера о ги-

Петербуржской Академии наук и профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттингенского собрания Иоганном Ебергердом Фишером. СПб., 1774

¹ *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири... С. 170–178; *Он же.* Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 54.

² Обзор его разысканий по древней истории Сибири см.: *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Иоганн Эберхард Фишер — исследователь истории и древностей Южной Сибири XVIII века // *Немцы Сибири. История и культура.* Новосибирск, 2003. С. 114–118.

³ О А.Л. Шлечере см.: *Черепнин Л.В.* А.Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки: из истории русско-немецких научных связей во второй половине XVIII — начале XIX вв. // *Международные связи России в XVII–XVIII вв.: экономика, политика, культура.* М., 1966; *Аллатов М.А.* Русская историческая мысль... С. 29–61; *Шатило А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 270–277; *Осипов В.И.* Петербургская академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века. СПб., 1995. С. 65–73; *Farkas J., von.* August Ludwig Schläzer und finnisch-ugrische Geschichts-, Sprach- und Volkskunde // *Ural-Altische Jahrbucher.* Bd. 24. № 1–2. S. 1–22; August Ludwig Schläzer und Russland. Berlin, 1961.

⁴ *Фишер И.Э.* Сибирская история. СПб., 1774. С. 103.

⁵ Там же. С. 58–59, 73–74.

⁶ *Пекарский П.П.* История Императорской Академии... Т. 1. С. 630, 633; *Fischer J.E.* Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quator gentium, maxime ex parte Sibiricarum. 1741–1747. Göttingen. Niedersächsische Staat- und Universität Bibliothek. Опубликовано: *Doerfer G.* Altere westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte // *Asiatische Forschungen.* 1965. Vol. 18. S. 45–182. О нем: *Stipa G.J.* Finnisch-Ugrische Sprachforschung... S. 185–187. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН имеется копия этого словаря (Р. 3, оп. 1, № 135).

⁷ В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранился словарь Фишера «Слова, взятые из французских разговоров Российские, расположенные по урокам», в котором имеется список коми-зырянских слов.

⁸ *Fischer J.E.* Vocabularium Sibiricum (1747). Der etimologisch-vergleichende Anteil. Bearbeitet und herausgegeben von *Janos Gyliä.* Frankfurt-am-Main, 1995; *Он же.* J.E. Fischer (1697–1771) und Uralische Etimologieforschung // *Linguistica et Philologica. Gedenkschrift für Björn Collinder.* Wien, 1984. S. 183–189.

перборейцах, татарских и угорских языках. Они представляли собой оригинальные сочинения, написанные на основе сибирских материалов как собственных, так и миллеровских. Он так же, как и **П.С. Паллас**, считал реальным родство венгерского языка с «чудским», т.е. с языком древнейшего населения Сибири. Одновременно путем языкового анализа отвергает распространенную в то время гипотезу о происхождении венгров от «пропавших колен Израильских», еще раз подтверждая азиатское происхождение венгров и остальных финно-угров, в том числе коми¹. Не потеряла своего значения и его статья о гиперборейцах, в которой он рассматривал вопрос о некоем северном народе, волновавшем умы ученых мужей с античных времен и не забытом до настоящего времени. Сопоставляя и критикуя античных и византийских авторов (от Геродота до Константина Багрянородного), И.Э. Фишер приходит к выводу о том, что понятие «гиперборийцы» для греков было собирательным, под которым они подразумевали северные народы вообще. И чем больше греческая наука расширяла свои познания о мире, тем более гиперборейцы передвигались далее на Север, вплоть до Северного океана². Этот вывод продвинул исследователей в дискуссии о гиперборейцах и месте их обитания, которая вновь возникла в XVIII в. в ряде исторических сочинений, начиная с **Ф.-И. Страленеберга** и заканчивая **В.Н. Татищевем**. Это важный шаг в историографии, так как И.Э. Фишер доказал, что они не являются жителями Сибири. Выводы, пусть и несовершенные, оказали существенное воздействие на исторические разыскания А.Л. Шлецера. Так, на основе личных изысканий по текстам русских летописей, проведенных во время пребывания в России, и материалов, привезенных И.Э. Фишером, крупнейший историк того времени Август Людвиг Шлецер в своей книге «Всеобщая история Севера» впервые приводит полный

достоверный список всех финно-угорских народов и обосновывает их родство³.

В то же время И.Э. Фишер высказал мнение и о коми-зырянах. Так, вслед за Г.Ф. Миллером он считал, что слово «Сибирь» имеет коми происхождение: «*Вероятнейшее мнение есть сие, что имя Сибирь произошло от Пермьяков, или от Зырян: ибо сии последние за-долго до завоевания россиянами Сибири отправляли торги в нижних местах реки Оби, а по им и имя стало известно в России*»⁴. Им же был составлен один из первых многоязычных словарей по финно-угорским языкам — «Словарь латино-финско-зырянско-пермяцко-вотьяцко-вогульско-тангутско-китайский»⁵. Этот словарь свидетельствует, что, во-первых, И.Э. Фишер имел контакты с представителями этих народов или пользовался работами своих предшественников. Во-вторых, что он уже имел к этому времени представление о финно-угорском родстве. Таким образом, его разыскания были важным звеном в формулировании общей теории финно-угорского родства, т.е. ранних этапов этнической истории народов коми.

В середине XVIII в. появляются первые крупные обобщающие работы по истории России. В них начинают обобщаться и осмысливаться история собственно Российского государства и проблемы происхождения культуры не только русского, но и других народов многонациональной Руси. Выше упоминалась работа **Г.Ф. Миллера**, которая была посвящена в основном Сибири. Но были и другие исследователи, которые серьезно работали в этой области. Из них в первую очередь необходимо отметить **В.Н. Татищеву** и его «Историю Российскую».

Василий Николаевич Татищев (1686–1750), один из «птенцов гнезда Петрова», деятельный сподвижник Петра Великого, изве-

³ *Schlazer F.L.* Fllgemeine Nordische Geschihite. Halle, 1771.

⁴ *Фишер И.Э.* Сибирская история... С. 3–4.

⁵ *Фишер И.Э.* Словарь латино-финско-зырянско-пермяцко-вотьяцко-вогульско-тангутско-китайский // Санкт-Петербургском филиал Архива РАН. Р. 3, оп. 1, № 135.

¹ *Фишер И.Э.* Сибирская история... С. 98–101.

² *Фишер И.Э.* Рассуждение И.Э. Фишера о гиперборийцах, или о народе, за севером находящемся // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Февраль. С. 130–135.

стен не только как крупный государственный деятель, но и как один из основоположников отечественной истории¹. В своей исследовательской практике он исходил из необходимости комплексного изучения истории России — в нерасчлененном единстве географии, истории, этнографии и археологии. В.А. Татищев предполагал создать «*Общее географическое описание Сибири*», в котором 13-я глава могла называться «*О жителях или народах*» и представляла этнографическое описание всех народов².

«*История Российская*» В.Н. Татищева, по своей сути, является одним из первых русских научных исторических сочинений, в котором рассматриваются проблемы европейской части Севера, а также ход исторических событий на этой территории по данным русских летописей. А.Л. Шлецер еще в 1767 г. писал: «*Татищев — русский, он является отцом русской истории, и мир должен знать, что русский, а не немец проломил лед в русской истории*»³. Данное произведение современными исследователями традиционной культуры народов коми рассматривается как одна из наиболее ранних официальных концепций этнической истории Севера, Урала и Сибири. В ней содержатся пусть и незначительные по количеству, но ценные сведения о народах коми, которые были обобщены историком после изучения большого количества древнерусских письменных источников. В числе других финно-угорских народов коми, по классификации В.Н. Татищева, относились к т.н. сарматским народам, древнейшим жителям Севера и Сибири⁴. В этом сочинении нарисована

определенная картина расселения финно-угорских племен на Европейском Севере от Ладожского озера до реки Камы; встречается упоминание о Стефане Пермском. В.Н. Татищев предложил оригинальную теорию определения месторасположения легендарной Биармии. По его мнению, слово Бярмия, которое встречается у многих писателей, есть переделанное Пярмия, подобное которому Перима — оленная земля. Сама Перима, по его мнению, включала в себя «*всю Корелию, часть Лапландии, Русь Великая и Помория*». В работе В.Н. Татищева мы также встречаем упоминание этнонима *коми* наряду с *зырянскими*. Это вполне объяснимо, так как В.Н. Татищев активно пользовался работой **Ф.-И. Страленберга** и был, по большому счету, первым его критиком. Собственно Ф.И. Страленберг ввел в науку этот этноним. Кроме того, В.Н. Татищев приводит для коми еще один этноним — *суды*, который не упоминается больше никем и до сих пор остается неэтимологизированным.

Вслед за **Ф.-И. Страленбергом** В.Н. Татищев разрабатывает классификацию народов России, базирующуюся на историко-лингвистической основе⁵. Так, он одним из первых российских ученых обратил внимание на родство т.н. «*чудских племен*», или «*народов финского корпуса*». Правда, как было принято в то время в исторической науке (эта традиция восходит к **М. Меховскому**), он относил современные финно-угорские народы к «*сарматским*»⁶.

К рассматриваемой проблематике, связанной с финно-угорскими народами в целом и коми в частности, обращался в своих исторических работах и **М.В. Ломоносов**⁷. Коми

¹ Андреев А.И. Труды и материалы В.Н. Татищева о Сибири // СЭ. 1936. № 6. С. 93–103. О деятельности В.Н. Татищева как историка см.: Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1; Шапиро А.Л. Российская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 162–188.

² Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 70–72.

³ A.L.v. Schlözer und Russland. Berlin, 1961. S. 191.

⁴ Татищев В.Н. Избранные труды по географии России... С. 130.

⁵ Степанов Н.Н. В.Н. Татищев и русская этнография // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 1. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 30.) М., 1956. С. 71–84.

⁶ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 226–227.

⁷ Об исторических воззрениях М.В. Ломоносова см.: Аллатов М.А. Русская историческая мысль... 1985. С. 61–71; Шапиро А.Л. Российская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 189–202.

попали в его поле зрения в связи с гуманитарными изысканиями и размышлениями о формировании русского народа. М.В. Ломоносову принадлежит замечательный тезис об отсутствии «чистых» в расовом и этническом отношении народов. Он высказал важную мысль о том, что в образовании русского народа принимали участие не только «славенские», но и «чудские» (т.е. финно-угорские. — А.Т.) племена: «И то правда, — писал он в работе “Краткий Российский летописец с родословием”, опубликованной в Санкт-Петербурге в 1760 г., — что от переселения и дел военных немалое число чудского поколения соединилось со племенем славенским и участие имеет в составлении российского народа»¹. М.В. Ломоносов справедливо считал, что территория расселения финно-угорских народов, в том числе коми, или «чуди», как он их называл, в прошлом была значительно больше: «Многие области, которые в самодержавство первых князей российских чудским народом обитаемы были, после славянами наполнились. Чуди часть с ними соединилась, часть, уступив место, уклонилась далее к северу и востоку. Показывают сие некоторые остатки чудской породы, которые по словесным преданиям от славенского поколения отличаются, забыв употребление своего языка. От сего не токмо многих сел, но рек и городов и целых областей чудские имена в России, особливо в восточных и северных краях, поныне остались. Немалое число чудских слов в нашем языке обще употребляются»². Исследования Л.Н. Жеребцова показали, что современная этническая территория народов коми достаточно сильно изменилась, а часть коми населения на периферии своей основной территории была ассимилирована славянами (русскими)³. М.В. Ломоносов с уважением пишет о древней культуре чудских народов

и их общении со славянами, в результате которого в древности произошло их взаимное слияние: «Уже и тогда чудь со славянами в один народ по некоторым местам соединилась. После того в первые христианские времена и в средние веки еще много больше между ними совокупление воследовало»⁴.

Огромны заслуги М.В. Ломоносова и в изучении проблемы происхождения финно-угорских народов. Несмотря на то что идея о родстве финно-угорских языков была высказана ранее **Ф.-И. Страленбергом** и **В.Н. Татищевым**, он не только поддержал ее, но и уточнил⁵. В 1766 г. в работе «Древняя российская история» он одним из первых в мировой науке высказал мысль о сходстве финно-угорских народов: «Ливония, Естляндия, Ингрия, Финния, Карелия, Лаппония, Пермия, черемиса, мордва, вотяки, зыряне говорят языками, немало сходными между собою, которые хотя и во многом разнятся, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала»⁶. По его мнению, к этой группе также следует отнести венгров.

Определенный интерес для исследователей культуры народов коми представляет многоязычный словарь **Петра Симона Палласа** (1741–1817), русского естествоиспытателя, географа, путешественника⁷. Его детство про-

⁴ Ломоносов М.В. Древняя российская история... С. 201.

⁵ Бомштейн Г.И. Роль Ломоносова в истории русской этнографии и фольклористики // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 30.) М., 1956. Вып. 1. С. 85–110.

⁶ Ломоносов М.В. Древняя российская история... С. 195.

⁷ Маракуев В. П.-С. Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877; Кенпен Ф.П. Ученые труды П.-С. Палласа. СПб., 1895; Муравьев В.Б. Дорогами российских провинций. Путешествие Петра-Симона Палласа. М., 1977; Осипов В.И. Петербургская академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII в. СПб., 1995. С. 53–55, 84–87; Колчинский Э.И. Немецкие ученые у истоков русской биологии // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 58–59; Сытин А.К. Петр Симон Паллас и его коллекции // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 66–77; Streseman E. Leben und

¹ Ломоносов М.В. Краткий российский летописец с родословием // Полное собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 295.

² Ломоносов М.В. Древняя российская история // Полное собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 173.

³ Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

шло в Германии, в семье профессора хирургии Берлинской медицинской академии. Учился в Германии (Университетах Галле и Геттингена), Голландии, Англии. В 1760 г. получил диплом доктора медицины Лейденского университета. П.С. Паллас хотел заниматься «*натуральной историей*», в частности зоологией, но в европейских университетах не было вакансий, и он не мог занять соответствующего места, несмотря на то, что к этому времени уже был избран членом Римской академии и Королевского общества в Лондоне. В 1766 г. П.С. Паллас получил приглашение занять должность профессора натуральной истории в Петербургской академии наук по рекомендации лейпцигского профессора Лудвига. В 1767 г. П.С. Паллас прибывает в Петербург и подписывает контракт на службу в Академии. В 1768–1774 гг. он возглавлял один из отрядов знаменитых «академических» экспедиций — так называемую Первую оренбургскую экспедицию в центральных районах России, Поволжья, Прикаспия и Среднего и Южного Урала. Одновременно был научным куратором еще двух оренбургских экспедиций, которые возглавляли **И.И. Лепехин** и **И.-П. Фальк**. Материалы этой экспедиции, которые содержали значительные сведения о географии, истории и этнографии Сибири и Поволжья, позднее были опубликованы¹. В описании П.С. Палласа перед читателем предстает достоверная и широкая картина жизни российской провинции.

Именно П.С. Паллас выдвинул оригинальную гипотезу, доказывающую родство венгров, вогулов (хантов) и башкир. Изучая древние рудные разработки, встречающиеся в южной Сибири, в районе рек Абакана и Енисея, у подножия Алтайских гор, а также рассматривая предметы древнего металлургического производства, ученый пришел к выводу,

что носители этой культуры, которых русское население называло «чудью», «чудаками», не могло быть монгольского или татарского происхождения. Он полагал, что этот чудской народ был вытеснен с мест своего первоначального обитания пришельцами с востока². Рассмотрению этой проблемы он посвятил специальную работу «*Рассуждения о старинных рудных копях в Сибири и их подобии с Венгерскими, различествующими от копей Римских*». Отмечая схожесть ряда археологических находок на территории от Алтая до Поволжья, он полагал, что один и тот же народ двигался от Енисея на запад: «...народ сей, обитавший сперва на полях Енисейских, принужден был их оставить или по причине войны, или для промыслов; что он подался к нам на запад, следуя вдоль по хребтам рудные горы заключающим, в коих находим мы и ныне следы его разрабатываний... От сих то может быть произошли нынешние сибирские поколения, сродственные венгерцам, как может быть отчасти по соседству с славянами, а отчасти и по нужде научились жить на одном месте и пахать землю»³. Эти высказывания позволяют нам считать П.С. Палласа первым ученым, который предпринял попытку обоснования финно-угорского родства на основе археологического материала.

Идея составления многоязычных «вокабулярных списков» принадлежит **Г.В. Лейбницу** и нашла своих приверженцев в России. В 1770-х гг. в Петербургской академии наук начались работы по составлению большого сравнительного словаря, руководство которыми было возложено на П.С. Палласа⁴. Даже императрица Екатерина II собственноручно

² Там же. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 2. С. 353–354.

³ Паллас П.С. Рассуждения о старинных рудных копях в Сибири и их подобии с Венгерскими, различествующими от копей Римских // Академические известия. 1780. Ч. 5. С. 312–337.

⁴ Об истории издания этого словаря см.: Булич С.К. Очерк истории языкознания в России // Зап. ист.-филол. фак-та С.-Петерб. ун-та. СПб., 1904. Ч. 75. С. 420–427; Грот Я.К. Филологические занятия Екатерины II // Русский архив. 1877. № 4. С. 425–442; Кононов А.Н. История изучения... С. 98–102; Осипов В.И. Петербургская академия наук... С. 79–81.

Werk von Peter Simon Pallas // Lomonosov, Schlazer, Pallas. Deutsche-Russische Wissenschaftsbeziehungen im 18 Jahrhundert. Berlin, 1962. S. 247–257; Stipa G.J. Finnisch-Ugrische Sprachforschung... S. 199–200, 202–203, 206–207; Wendland F. Peter Simon Pallas. Materialien einer Biographie. Berlin, 1992.

¹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1788. Ч. 1–3.

переписывала для этой цели некоторые подобные материалы. Составленные по специально разработанной единой форме, они включали в себя лингвистические материалы — термины по материальной и духовной культуре¹. Во второй части этого словаря приводится около 300 коми-пермяцких и коми-зырянских слов. Для графической передачи лексики была использована кириллица. Все слова распределены по семантическим группам, из которых для этнографии важны термины родства, обозначающие домашних и диких животных, орудия труда и т.д. Происхождение этого массива неизвестно. Судя по предисловию автора, «о финских наречиях присланы из разных стран словари, из коих иные под названием языков Варяжского и Чудского, я из всех их выбрал все отличия, какие токмо мне встречались. Равным образом на карельском, черемисском, вотяцком языках». З.И. Кузнецова, которая занималась сопоставлением словарей **Г.Ф. Миллера** и П.С. Палласа, отмечает, что они были записаны на разных диалектах коми языка. Поэтому этот лексикографический материал имеет большую ценность для исследователей и в наши дни. Следует отметить еще один этнолингвистический источник по народам коми, который связан с именем П.С. Палласа и на который не обращали внимания исследователи коми языка. Речь идет о его знаменитой «Flora Rossica» — первом научном описании всего растительного мира России, основанном на систематике К. Линнея. В этой книге ученый, кроме латинских и русских названий растений, приводит и местные этнические названия. Таким образом, он упоминает в ней 27 коми-пермяцких и 13 коми-зырянских народных названий растений².

¹ Pallas P.S. *Linguanim titus orbis vocabularia comparativa*. Petropoli, 1787–1789. Vol. 1–2; Паллас П.С. Сравнительный словарь всех языков и наречий. СПб., 1787–1789; Он же. Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790–1791. Т. 1–4.

² Pallas P.S. *Flora Rossica*. SPb., 1784–1788. Количество коми терминов подсчитано по: Fehlig Bodo, von. Index zu P.S. Pallas' «Flora Rossica» // UAJ. NF. 1982. Bd. 2. S. 114–137.

Завершая очерк о деятельности П.С. Палласа в области финно-угроведения, следует остановиться на еще одном моменте. М. Бранч пишет, что в 1795 г. он от имени Петербургской академии наук обратился к профессору Академии Або (Университета Турку) в Финляндии **Габриелю Хенрику Портану** с просьбой приехать в Россию и принять участие в путешествии по этой стране для изучения финно-угорских народов³. Но Г.Х. Портан в тот момент отказался от этого предложения, сославшись на свой возраст, но на самом деле для отказа были другие причины: Г.Х. Портан был противником существовавшей в России крепостнической системы и Екатерины II. Известно, что по предложению Академии П.С. Паллас в 1776 и 1779 гг. составлял планы проведения новых масштабных экспедиций для изучения страны. Возможно, что подобные планы составлялись им и позднее, и именно тогда возникла идея привлечь для участия в подобных изысканиях крупнейшего на тот момент исследователя финно-угорских народов. Во время работы по составлению многоязычного словаря П.С. Паллас столкнулся с проблемой скудности материалов по финно-угорским народам.

Проводимые Петром Великим и его потомками реформы потребовали всестороннего изучения природных условий страны, населяющих ее народов, путей сообщения, в том числе и исследование Великого Северного морского пути⁴. Они были начаты при Петре I, но наибольшего охвата достигли при Екатерине II, в 1768–1774 гг. В истории русской науки эти исследования известны под названием «академических или физических экспедиций», которые охватили Сибирь, берега Ледовитого океана, Урал и Приуралье, Алтай, Кавказ, Среднее и Нижнее Поволжье, и проводились под эгидой Санкт-Петербургской

³ Branch M. A.J. *Sjögren studies of the North* // MSFOu. 1975. Vol. 152. P. 26.

⁴ Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII — первая половина XVIII в. М., 1950; Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1728–1800). М., 1957.

академии наук. Поводом для организации этого масштабного предприятия послужило ожидаемое весной 1769 г. прохождение планеты Венеры через диск Солнца. Для наблюдения этого явления в разных местах страны было принято решение создать несколько экспедиций. Участниками этого грандиозного исследовательского проекта стали **И.И. Лепехин**, **П.С. Паллас** и **И.Г. Георги**. Предпринятые для изучения природных и экономических ресурсов страны, они имели большое научное и практическое значение. Помимо физико-географических сведений, в ходе исследований предполагалось получить данные о хозяйственных занятиях сельского населения, промыслах, состоянии торговли, местных путях сообщения и т.д., что имело значение для этнографической характеристики различных народов. Одновременно учеными формируется проект «Общего исторического описания Российского государства». Основной целью проекта было, с одной стороны, определить главные направления изучения отечественной истории, а с другой — приступить к изучению истории конкретных народов империи¹. Задачи Академии были озвучены директором Академии наук С.Г. Домашневым, который в качестве одного из направлений исследований выделил финские народы, «Nations finladoises», под которыми он понимал финнов Выборгской и С.-Петербургской губерний, эстонцев Таллинской губернии и части Ливонии, ливов Рижского уезда, а также саамов, коми, удмуртов, мари, чувашей, тептярей, мордвы, хантов и манси².

Участником этих масштабных исследований был один из крупнейших русских естествоиспытателей, путешественник и ботаник **Иван Иванович Лепехин** (1740–1802), с име-

нем которого можно связать начало научного, в том числе и этнографического, изучения Коми края³. Он родился в Петербурге. Окончил Академическую гимназию, в 20 лет стал студентом академического университета. Затем, в 1762–1767 гг., продолжил образование в Германии, в Страсбурге, где находился один из лучших в то время европейских университетов. Здесь он получил степень доктора медицины, а после возвращения на родину в 1768 г. был избран адъюнктом по ботанике и натуральной истории Санкт-Петербургской академии наук. В это время Академия приступила к организации одного из грандиозных научных проектов XVIII в., известного как «физическая» экспедиция. Она состояла из небольших отрядов участников. Поводом для ее организации послужила подготовка к наблюдению за прохождением Венеры перед диском Солнца, что должно было состояться в мае 1769 г. Но в действительности перед отрядами стояли более широкие исследовательские задачи. Как профессионального естествоиспытателя, в 1768 г. И.И. Лепехина назначают начальником т.н. Второй академической оренбургской экспедиции. Отряд И.И. Лепехина выехал из Москвы в июне 1769 г., обследовал Среднее Поволжье, потом направился в оренбургские степи, пройдя которые они должны были двинуться к Уральским горам. Летом 1771 г. И.И. Лепехин предпринял поездку с Урала на Архангельск через южные районы Коми края, во время которой он познакомился с культурой коми-пермяков и коми-зырян. В течение 6 лет отрядом И.И. Ле-

³ Биография и труды И.И. Лепехина см.: *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. СПб., 1875. Вып. 2. С. 159–299; *Таранович В.П.* Путешествие академика И.И. Лепехина по северу Европейской России в 1771 и 1772 гг. // Тр. Ин-та истории науки и техники. Л., 1934. Сер. 1. Вып. 4. С. 349–364; Вып. 5. Л., С. 545–568; *Цембер А.А.* Путешествие академика Лепехина в 1771–1772 году // Коми му. 1927. № 4–5. С. 54–57; *Фрадкин Н.Г.* Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. М., 1950; *Лукина Т.А.* Иван Иванович Лепехин. М., 1965; *Вавилов П.П., Кудрявцева Л.А.* «Дневниковые записки» академика И.И. Лепехина о Коми крае в XVIII в. // Известия КФ ВГО. 1965. Вып. 10, С. 142–145.

¹ *Щетинина Г.И.* Центры изучения истории в до-революционной Академии наук // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1978. С. 197.

² *Domaschnev S.* Acta Academie Scientiarum Imperialis Petropolitane. SPb., 1780; *Branch M.* The Academy of Science in St-Petersburg as a center for the study of nationalities in the North — East Baltic // National History and Identity / Studia Fennica. Ethnologica. 1999. № 6. P. 125.

пехина была обследована большая территория от Белого моря на севере и Закавказья на юге, от Петербурга на западе и Урала на востоке. В результате проведенных исследований был собран огромный уникальный научный материал. Позднее его впечатления и полученные результаты экспедиции были опубликованы в виде нескольких книг¹. В своих записках он выступает не только как ботаник, зоолог, врач, химик, геолог, но и этнограф, лингвист, историк. Как справедливо отмечал **Н.К. Чупин**, «Лепехин более чем кто-либо из современных ему путешественников обращает внимание на быт, нравы, на промыслы народа и с редкой искренностью раскрывает различные обстоятельства, в некоторых местах препятствующих народному благосостоянию»².

Материалы, касающиеся народов коми, опубликованы в III томе «Записок» И.И. Лепехина³. Во время своего путешествия, как видно из них, он побывал в Объячево, Ношуле, Кунибе, Межадоре, Вильгорте, Пажге, Яренске, Серегове, Усть-Выми, Усть-Сысольске, который он назвал «славной зырянской селитьбой». Согласно его описанию зыряне — земледельцы, но они «весьма искусны в стрельбании». И.И. Лепехин отмечает важную роль в хозяйстве коми сохранившегося подсеčno-огневого земледелия. Также он говорит об уходе коми в Сибирь, так как они не всегда могут найти пропитание на своей родине.

¹ Дневниковые записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. СПб., 1771–1805 Ч. I–IV; 2-е изд. СПб., 1795–1814; То же // Полное собрание ученых путешествий. СПб., 1821. Т. 3; 1822. Т. 4. Главы, посвященные путешествию по территории Коми края, были переизданы З.Я. Немшиловой в 1983 г. в Сыктывкаре в сборнике «В дбрях Севера. Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми».

² Чупин Н.К. Указатель сочинений, в которых заключаются географические и статистические сведения о Пермской губернии // Перм. сб. Пермь, 1860. Кн. 2. Прил. С. 4.

³ Немшилова З.Я. Коми народ в русской литературе в русской литературе XVIII–XIX вв. Сыктывкар, 1968. С. 6–20.

В его сочинении имеется небольшой очерк о коми-пермяках. Например, он описывает районы их обитания: бассейн р. Камы, Вишеры и Чусовой. В его «Записках» мы встречаем первый по времени появления историографический очерк по истории коми, в котором приводятся данные об этом народе в сочинениях **В.Н. Татищева** и **М.В. Ломоносова**. Здесь представлены рассуждения о происхождении коми-зырян, но они имеют двойственный характер. С одной стороны, автор считает, что коми переселились на современную территорию обитания с Камы, аргументируя этот тезис их родством с пермяками, с которыми у них один этноним — *комияс*, или *коммусаъяс*. С другой стороны, он приводит т.н. «емскую» теорию, согласно которой коми произошли от переселившегося с запада на эту территорию финского племени *Емь*. Он считает, что пермяки родственны остякам, а на основе сопоставления названия пермяцкого бога *Йомала* делает вывод, что язык коми-пермяков относится, как и финский и ливонский, к «чудским» диалектам. И.И. Лепехин приводит очень оригинальную этимологию соотношения терминов Биармия (Бярмия в его написании) и Пермь. Он не сомневается, что современные ему пермяки восходят к биармам. По его мнению, сарматы (пермяки) не произносят, не выговаривают букву *Б*, переделывая ее в *П*, поэтому слово Бярмия превращается в Пярмия, Пермь. Кроме И.И. Лепехина никто не предлагал такого толкования. В его дневнике мы встречаем первый по времени после **Епифания** текст на древнепермском языке, но выполненный кириллицей, — т.н. Лепехинский список обедни⁴. Кроме того, он приводит также 380 слов и выражений на коми языке, которые также представляют большой интерес для характеристики коми-зырян.

Представленные сведения долгое время служили своеобразной энциклопедией, откуда ученый мир черпал научные данные об истории и культуре населения Коми края кон-

⁴ Лепехин И.И. Дневниковые записки... С. 189–190.

ца XVIII в. Сведения, опубликованные И.И. Лепехиным, в ряде случаев уникальны, так как фиксируют отдельные детали народной жизни, которые исчезли в начале XIX в. и не описываются последующими исследователями, что позволяет считать его «Записки» одним из ценных литературных источников. Например, он публикует достаточно редкий сюжет о богатыре Пере, главном герое коми-пермяцких эпических сказаний¹. Кроме того, он связывает этого героя и чудь из народных преданий, называя его «Чудениным». В его книге появляется самый известный персонаж коми-зырянского фольклора — колдун Шипича. Все эти сюжеты впервые появляются в русской научной литературе. Наряду с описанием традиционной культуры коми И.И. Лепехин в первый раз после *Епифания Премудрого* опубликовал текст литургии на древнекоми (древнепермском) языке. Однако И.И. Лепехин путает время христианизации коми-зырян и коми-пермяков, полагая, что это совершено *Стефаном Пермским*. В настоящее время мы знаем, что это был разновременный процесс. По-видимому, И.И. Лепехин был знаком с текстом «Жития Стефана Пермского» Епифания, потому что его описание верований коми-пермяков, в частности поклонения и жертвоприношения «кумирам и истуканам», очень похоже на приводимое Епифанием Премудрым². Именно благодаря этой публикации научной общественности стал доступен давно забытый к этому времени пласт древней культуры народа коми³. Перевод сочинения И.И. Лепехина на немецкий и частично французский языки сделал эти материалы доступными мировому научному сообществу. О популярности сочинения И.И. Лепехина свидетельствует следующий факт. В Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-

заповеднике имеется анонимный рукописный сборник, который содержит «Исторические известия о зырянах И. Лепехина», выполненный уже в третьей четверти XIX в.⁴

Еще во время экспедиции в 1771 г. И.И. Лепехин был избран профессором естественной истории и академиком Санкт-Петербургской академии наук. Позднее он стал членом различных зарубежных научных обществ. Его перу принадлежит ряд ученых трудов. Помимо научной работы он вел большую организаторскую деятельность. В течение 15 лет был инспектором Академической гимназии, исполнял функции директора Ботанического сада, редактора «Новых ежемесячных сочинений». Редактировал и перевел на русский язык «Естественную историю» крупнейшего французского естествоиспытателя Жоржа Бюффона.

Иоганн-Готтлиб Георги (Johann-Gotlib Georgi, 1729–1802) — русский натуралист, путешественник, этнограф, историк, академик⁵. Родился в Германии, в Померании, в небольшом городке Вехгольцхаген в семье священнослужителя. Здесь он получил первоначальное образование. Позднее несколько лет служил аптекарем, потом переехал в Швецию, где изучал медицину в Уппсальском университете. В Уппсале он посещал лекции Карла Линнея. Здесь он, по некоторым сведениям, получил степень доктора медицины. Но при назначении на должность адъюнкта Петербургской академии наук доказать этому И.-Г. Георги привести не смог. Затем он вновь работал на родине. Услышав о подготовке научных экспедиций в России, предложил свои услуги Санкт-Петербургской академии наук, и был приглашен для работы в России по

⁴ Памятники письменности в музеях Вологодской области: каталог-путеводитель. Вологда, 1989. Ч. 1. Вып. 3. С. 91.

⁵ Двести двадцать пять лет со дня рождения академика И.И. Георги // Изв. АН СССР. Сер. геологическая. 1954. № 5. С. 148–149; *Осинов В.И.* Петербургская академия наук... С. 51, 83–84; *Пирютко Ю.М.* Предисловие к книге И.-Г. Георги. Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях его. СПб., 1996. С. 3–12.

¹ *Лепехин И.И.* Дневниковые записки... Т. 3. С. 194–195.

² Там же. С. 396, 398.

³ Там же. С. 242–249. Текст литургии и приложенный к нему словарь подробно рассмотрены *В.И. Лыткиным* в его книге «Древнепермский язык». (М., 1952. С. 51–74, 149–161.)

рекомендации директора Ботанического сада профессора И.П. Фалька. Так он в 1769 г. оказался в числе участников Первого оренбургского отряда *П.С. Палласа* и посетил Поволжье, Среднее и Южное Приуралье, Западную Сибирь, Прибайкалье¹. В 1776 г. был произведен в адъюнкты Академии по рекомендации *П.С. Палласа*, а в 1783 г. избран академиком. Через некоторое время после смерти М.В. Ломоносова он назначается директором химической лаборатории Академии наук. И.-Г. Георги — автор одного из первых описаний Петербурга. За свои достижения в науке был избран почетным членом ряда иностранных научных обществ.

Во время своего путешествия по России И.-Г. Георги собрал множество этнолингвистических материалов. Большая часть этого собрания была использована им при подготовке *«Описания всех, в Российском государстве обитающих народов...»*² Книга И.-Г. Георги обобщила огромный этнографический материал, собранный в ходе научного исследования России его предшественниками и современниками. Автор в своем предисловии отмечал, что *«источники, из которых почерпнуто сие описание народов, обитающих в России, их житейских обрядов... суть во первых Летописцы Российския, а во вторых, и по большей частию, описания частныя России подданных народов, сделанные и изданные в Свете Профессорами и Историографами: Миллером, Гмелиным, Крашенниковым, Штеллером, Фишером, Рычковым, Палласом, Лепехиным, Лемом... и другими»*³. Эти путешествия показали, что,

несмотря на длительный период межэтнических контактов и взаимовлияний, воздействие православия, народы России сохранили свои этнокультурные и языковые особенности. Первая сводная работа о народах России была выполнена в виде очерков об отдельных народах и проиллюстрирована рисунками. В этом сочинении И.-Г. Георги впервые в российской науке применил историко-лингвистический принцип классификации народов, выделив особую группу народов «финского племени». И.-Г. Георги как ученому была присуща редкая способность синтезировать разнохарактерные источники и мнения, восходящая к ботанической классификации его учителя К. Линнея. Кроме того, он уверенно, пользуясь сведениями своих предшественников и коллег, делает важный вывод о происхождении этих народов из одного пранарода. Говоря о родстве финно-угорских народов, И.-Г. Георги заключает: *«...весьма удивительно, что премногие, в рассеянии живущие, финские поколения, и при различном положении занимаемых ими мест, имеют еще и теперь очень много собственного и сообразного главным финского племени коленом в рассуждении телобразия, общенародных свойств, языка, нравов, одежды, суеверия и прочего... Впрочем, кажется быть и действительно вероятно, что столь великое сходство доказывает неоспоримо основанное на самой истине мнение г. Статского Советника Миллера, так и профессора Фишера: что все сии народы суть не особливые какие, но только отщепенные от финского племени колена»*⁴. Он дает самую полную для XVIII в. картину, изображающую финно-угорские народы, посвятив им первый том своего описания, хотя его очерки о них неодинаковы. Так, И.-Г. Георги достаточно подробно пишет о народах Поволжья, о саамах и т.д., дает характеристику коми-пермякам, но совсем мало пишет о коми-зырянах. Сегодня мы можем сказать, что он ошибочно включил в их число латышей и чувашей. Правда, следует отметить, что в XVIII в. большинство ученых считало чувашей

¹ Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов // Тр. архива АН СССР. 1940. Вып. 4. С. 106–108.

² Георги И.-Г. Описание всех, в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, достопамятностей. СПб., 1776–1777. Ч. 1–3. Более подробную характеристику этого сочинения см.: Токарев С.А. Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестн. Москов. ун-та. 1958. № 4. С. 113–127.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 42.

шей финно-уграми. Однако И.-Г. Георги обозначает, что «они свой язык смешали с Татарским». Главное — И.-Г. Георги первым в мировой науке попытался дать общую этногенетическую характеристику финно-угров и народов Европейского Севера. В наиболее полном виде она приведена ученым в издании 1799 г.¹ Здесь он впервые высказывает парадоксальную мысль: «финские народы или древние руссы суть коренной России народ». По его мнению, древние руссы в прошлом занимали все пространство Европейского Севера, «от Хвалынского моря по восточную сторону Волги, до Белого простирались по Северному Океяну, по восточной стороне Ботнического залива». То есть он первым попытался идентифицировать летописные мифологические народы Русского Севера. Он пишет, что «по пришествии на княжение Рурика, да и прежде уже столько перемешались и породнились со Славянами, что напоследок стали составлять один народ». А финно-угорские племена «суть того древняго Русскаго народа» и являются самыми древними обитателями северной России.

Его сведения о народах коми достаточно скудны, но интересны. Так, И.-Г. Георги считал, что в прошлом они были жителями отдельного государственного объединения в Западном Приуралье. Сами же «древние Пермьки и Зиряне во всем сообразны Финнам, язык их, и все идолослужение, малым чем отменены от Финскаго. В самые древние времена славны они были в торговле, которую производили они с Персиянами и подвластными Великому Моголу народами... Остатки древних Северной сей страны городов свидетельствуют и теперь о благополучном старинных жителей состоянии»². Оригинальна его мысль о том, что миссионерская деятельность Русской православной церкви, начиная со **Стефана Пермского** и его преемников, привела к тому, что «большая половина пермяков и Зирян, в Великой Перми обитавших», была вынужде-

на перебраться за Урал и стала называться «Отяками». Ученый придерживался теории, согласно которой ханты — отяки происходили от коми, переселившихся в нижнее течение Оби. Эта гипотеза И.-Г. Георги имеет лишь исторический характер, ибо этногенез обских угров сегодня рассматривается совершенно иначе.

Завершая разговор о материалах эпохи академических экспедиций, необходимо вспомнить об исследованиях еще одного участника этих научных мероприятий. Речь идет об академике Санкт-Петербургской академии наук **Петре Борисовиче Иноходцеве** (1742–1806), русском путешественнике, естествоиспытателе, астрономе. Он происходил из мелкопоместных дворян. В 1752 г. был определен в Академическую гимназию, а в 1760 г. — переведен в академический университет. В 1765 г. П.Б. Иноходцев направляется для учебы в Германию, где занимается физикой, математикой, геологией, ботаникой, но особенно астрономией. В 1767 г. возвращается в Петербург и становится адъюнктом Петербургской академии наук. С 1778 г. — экстраординарный, а с 1783 г. — ординарный академик. Некоторое время работал цензором в Риге. В 1769–1775 и 1781–1785 гг. провел две большие экспедиции по Европейской России. В ходе второй побывал в Вологде. В описании вологодского наместничества он приводит некоторые сведения о коми-зырянах, их языке, отдавая должное описательной этнографии³.

Собранный в течение всего XVIII в. свод данных как по народу коми, так и по другим финно-угорским народам показал, что научный потенциал фактологических сведений, доступных ученым для решения проблемы финно-угорского родства (а изучение коми народа в этот период следует рассматривать именно в таком ключе), исчерпан и нужны активные специальные полевые исследования этих народов в местах их проживания. Эта за-

¹ Георги И.-Г. Описание всех, в Российском государстве... 1799. С. 1–2 и след.

² Там же. С. 77–78.

³ Иноходцев П. Описание городов Вологодского наместничества с их округами // Месяцеслов исторический и географический на 1792 г. С. 1–40.

дача была решена уже в течение следующего, XIX века. И здесь, как ни странно, в силу ряда обстоятельств важная роль принадлежала народу коми, который в какой-то момент оказался «эталоном», на котором отрабатывались новые для того времени методы исследования, в частности в работах таких исследователей, как *А.И. Шегрен* и *М.А. Кастрен*.

Таким образом, в течение XVIII столетия появляется значительное количество данных о традиционной культуре народов коми. Они существенно отличаются от того, что было известно из работ авторов предшествующих столетий, не только количеством, но и качеством, несмотря на то, что их знания о Московской Руси были недостаточны, а иногда и неверны. Эти сведения не только более научно обоснованны, но и содержат значительно меньше легендарного, мифологического материала. Характерный для предшествующего времени эмпирический характер подбора фактов, тенденциозность, при которой грань между фантастическим и достоверным знанием зачастую стирается, постепенно сменяется систематизацией, основанной на научной методологии, новой философской и исторической концепциях, вниманием к реальным общественным и хозяйственным отношениям у различных народов России, в том числе и у коми. Народоведческие описания и обобщения постепенно сменяются первичной рациональной теоретической обработкой. На это сильное влияние оказала методология Г. Лейбница. Например, хаотичность изложения материала в сочинении Н. Витсена у Ф.-И. Страленберга сменяется стремлением к систематизации собранного лингвистического материала в виде специальных таблиц. Кроме того, этот этап, хронологически охватывающий фактически весь XVIII в., был подчинен общей идее эпохи Просвещения — рационального познания окружающего мира. Народоведение было частью общей программы академических экспедиций, которые зафиксировали огромный пласт этнокультурной информации. Ее осмысление было предпринято многими выдающимися исследователями этой эпохи как

в России, так и за ее пределами. Прежнее мифологизированное пространство, этнические очертания которого были весьма расплывчаты и условны и обозначались собирательными названиями типа «чудь, чухна, пермь, печора, югра», постепенно приобретает реальные границы. Позднее принцип всеохватывающего энциклопедизма, характерный для научного познания эпохи Просвещения, приводит к появлению первых монографических описаний, в частности, можно назвать работы И.И. Лепехина, П.С. Палласа и И.Г. Георги. Финно-угорская проблематика становится неотъемлемой частью исторических исследований, проводимых Санкт-Петербургской академией наук. Несмотря на то что они чрезвычайно пестры и многообразны, полученные данные позволили ученым сделать несколько важных выводов.

Во-первых, стало ясно, что коми-зыряне и коми-пермяки «однородные», как отмечал И.И. Лепехин, т.е. родственные, народы. Были очерчены границы их расселения, стала понятна система хозяйствования и т.д.

Во-вторых, эти исследования также подтвердили, что народы коми являются родственными другим финно-угорским народам. Появились первые теории их происхождения, которые были сформулированы Д.Г. Мессершмидтом, Ф.-И. Страленбергом, Г.Ф. Миллером, В.Н. Татищевым, И.Э. Фишером, П.С. Палласом и Г.-И. Георги¹.

В-третьих, началось изучение древней истории этих народов, рассматривались проблемы вхождения народов коми в состав Русского государства.

¹ Терюков А.И. Финно-угорские народы в российской науке XVIII века // Мавродинские чтения — 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: материалы юбилейной конф., посвящ. 70-летию ист. фак-та С.-Петерб. ун-та. СПб., 2004. С. 282–284.